

Н. Савельев

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА
1861 года
НА АЛТАЕ

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул.

1950

Н. САВЕЛЬЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 года
НА АЛТАЕ

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1950

АЛТАЙ — ИМЕНИЕ РУССКИХ ЦАРЕЙ

Алтай в переводе на русский язык означает «золотая гора». Но Алтай славился не только своим золотом. Издавна в его предгорьях добывали прямо с поверхности серебряную руду и медь. Ещё в XVII столетии из озёр Кулундинской степи добывали соль, считавшуюся по тому времени лучшей в России. Леса бассейна верхнего течения Оби изобиловали древесиной и пушниной. В реках, стекающих с Алтайских гор, водилось много рыбы, а приречные долины отличались плодородными почвами.

Природные богатства Алтая уже в начале XVIII столетия привлекли внимание Берг-Коллегии (главного управления казённых заводов), императорского Кабинета (управления личными имениями царя) и частных заводчиков. Всех их влекла на Алтай жажда лёгкой наживы за счёт эксплуатации его населения и природных богатств.

Частный капитал стремился на Алтай ещё и потому, что правительство начало уже в это время прибирать к своим рукам Урал.

В 20 годах XVIII столетия Управление казённых заводов послало своих изыскателей на Алтай. Идя по следам древних горнорудных разработок, они открыли месторождения медной руды в верховьях реки Чарыш.

Результатами этой разведки воспользовались крупные уральские заводчики Демидовы. Им удалось обойти Берг-Коллегию и в 1726 году добиться от правительства разрешения на строительство медеплавильных заводов. Правительство приписало к этим заводам несколько селений.

В 1731 году Екатеринбургская канцелярия Берг-Коллегии узнала, что на Алтае значительно больше медных руд, чем на Урале, а сама руда богаче уральской. Её изыскатели донесли, что при раскопках древних могил на Алтае находят много золота и серебра, что в развалинах древних печей,

встречавшихся по реке Шульба, имеются старые запасы руды, «а видом та руда похоже серебряная».

Действительно, в одной из могил древних захоронений были найдены золотые украшения, общим весом до пуда. Изделия из золота и серебра встречались при раскопках древних захоронений по рекам Иртыш, Алей, Чарыш.

Берг-Коллегия возобновила свои домогательства на алтайские заводы и в 1735 году, по её настоянию, правительство отобрало алтайские заводы у Демидова и передало их Управлению казённых заводов.

Горные специалисты Гордеев и Угрюмов с мастеровыми и воинской частью прибыли на Колывано-Воскресенский завод и приняли его от Демидова. Два года они искали месторождение серебряных руд, но поиски оказались безрезультатными.

Через два года Демидов снова вступил во владение алтайскими заводами. Его доверенные — Егоров и Головин — в 1737 году приняли от Берг-Коллегии всё имущество по ведомости. Этот документ ярко характеризует порядки, установленные Демидовым в его алтайских владениях.

На Колыванском заводе и на трёх рудниках по реке Воскресенке числилось 164 мастеровых и приказчиков и 314 крестьян. 280 крестьян были приписаны к заводу, по распоряжению правительства, из населения деревень Чарышской, Паразихинской, Обуховой, Кабаньей. На заводе и рудниках оказалось 126 жителей Усть-Чарышской, Усть-Чумышской, Космалинской и Усть-Барнаульской деревень. Они не чисились в списках приписных. Попав в кабальную зависимость к Демидову, они вынуждены были отрабатывать эту кабалу на его предприятиях.

Даже по тем временам условия труда на заводах Демидова выделялись своей тяжестью. Обжигательные печи помещались вблизи завода и в ведомости указывалось, что «при тех печах горок и крышек никаких нет». Единственные «машины», которые имел завод, — это толчёя, дробившая руду да толкующая соль, и воздушодувные меха. В то время, как на уральских заводах уже применялись механизмы, на алтайских заводах все работы велись вручную.

Завод был обнесён стеной и рогатками. Работные люди жили в «чёрных» избах, без окон и печных труб. Завод и посёлок находились под жерлами пушек, установленных в «малой крепости», где хранились деньги и выплавленный металл и проживали приказчики Демидова.

Представители правительства, принявшие в 1735 году завод от Демидова, видели невыносимое положение мастеро-

вых и крестьян. Но правительство не только не улучшило бытовых и правовых условий мастеровых, а, наоборот, ухудшило их. Так, например, Екатеринбургская канцелярия добилась приписки к Колывано-Воскресенскому заводу тех деревень, в которых жили 126 крестьян, закабалённых Демидовым.

Вступив вторично во владение алтайскими заводами, Демидов в 1739 году приступил к строительству Барнаульского завода и усилил поиски рудных месторождений. В 1742 году изыскатели Демидова обнаружили на реке Змейке, в бассейне верхнего течения реки Алей, богатые залежи серебряных руд. В этом районе был заложен Змеиногорский рудник, а Барнаульский завод был приспособлен к выплавке серебра.

Когда весть о находке серебра дошла до Управления казённых заводов, оно вновь начало добиваться передачи демидовских предприятий на Алтае в собственность государства. Но царствовавшая в ту пору императрица Елизавета, нуждаясь в средствах для удовлетворения личных нужд и нужд своего двора, решила отобрать демидовские владения на Алтае в личную собственность.

Елизавета нашла и благовидный предлог — она получила жалобу о том, что Демидов незаконно чеканит монету. Для проверки этой жалобы в 1744 году она послала на Алтай представителей Кабинета, поручив им выявить запасы серебряных руд.

Доверенные Демидова были отстранены от руководства, а всё управление заводами было возложено на комиссию, состоящую из иностранных специалистов — Христиани, Трегера и начальника Тульского завода Беера.

Два года работала комиссия. Она заложила первую шахту в Змеиногорске, которая и по настоящее время сохранила название «Комисской». Выплавив 44 пуда серебра, комиссия выехала в Петербург, оставив Христиани начальником Барнаульского завода.

В 1747 году императрица Елизавета издала указ о передаче алтайских рудников и заводов Кабинету. Алтай стал личным имением Елизаветы, а в дальнейшем — последующих императоров России.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ЦАРСКОМ ИМЕНИИ

Переход владений Демидова в собственность царя открыл новый период в жизни крестьян Алтая — они стали крепостными людьми русского императора.

До 1747 года крестьяне Алтая были государственными. Так называли всех крестьян, не принадлежавших помещикам, обязанных платить государственные подати и выполнять повинности по раскладке государства.

Государство могло передавать («приписывать») таких крестьян государственным или частным заводам. «Приписные» крестьяне оставались государственными. Управление или владелец завода юридически не являлся их собственником, а за право эксплуатации крестьян он платил государству те подати, которые накладывались на крестьян. Конечно, труд «приписных» крестьян оплачивался очень дёшево и заводчик на их эксплуатации получал огромную прибыль.

Заводчик мог купить крестьян у помещиков — такие крестьяне становились его собственностью. Собственных крестьян заводчик превращал в крепостных работников на заводе или руднике (мастеровых).

На алтайских заводах Демидова работали его крепостные крестьяне, мастеровые, оставшиеся от государства, а также «приписные» крестьяне. Всех этих людей Елизавета предписала «взять на нас», то-есть обратить в её личную собственность.

Императорский указ вменял в обязанность крестьянам, приписанным к алтайским заводам, «зарабатывать... первое, подати государственные по 70 копеек, другое, подати помещиков по 40 копеек». Таким образом, из государственных крестьян они превратились в крестьян государевых, как мы и будем называть их в дальнейшем.

Формой эксплуатации крестьян в царском имении являлась обычная для помещичьего хозяйства барщина.

Но если в помещичьих хозяйствах европейской части России крестьяне выполняли барщину на полях, находящихся вблизи их жилья, то в алтайском имении царя выполнение барщины было связано с дальними переездами. Так, от Чусского острога (нынешняя Колывань, Новосибирской области) и Би-Катунской крепости (ныне Бийск) крестьяне уходили на барщинные работы на Змеиногорский рудник. Подобные переезды значительно усиливали тяжесть барщины, так как время, затраченное на переезды от жилья к месту барщинной работы, крестьянам не оплачивалось.

Крестьянин обязан был отрабатывать барщину в течение 60 дней в году. За каждый день засчитывалось летом конному крестьянину 10 коп., зимою — 6 коп.; пешему: зимой — 4 коп., летом — 5 копеек. Эти расценки, называвшиеся «плакатом», действовали до 1761 года.

Следовательно, пеший крестьянин в лето зарабатывал за 60 дней 3 рубля, из которых 1 руб. 10 коп. уходили на подати, а остальные 1 руб. 90 коп. должны были выдаваться на руки. Однако штрафы, обсчёты и жульнические обмеры крестьян поглощали с лихвой весь их заработка. Часто крестьянин оставался в долг и вынужден был работать сверх установленных 60 дней.

В счёт барщины крестьяне до 1761 года выполняли все работы, начиная от добычи руды и доставки её на заводы, кончая плавкой руды и выжигом древесного угля, на котором производилась плавка. Они ремонтировали дороги и мосты, строили и ремонтировали плотины, заводские и рудничные постройки, доставляли необходимый строительный материал.

Натуральные государственные повинности не засчитывались в барщину. Поэтому крестьяне доставляли продукты в остроги и крепости, ремонтировали дороги общего пользования, перевозили чиновников военного и гражданского ведомства.

В период выполнения барщинных работ крестьяне жили в казармах и подчинялись горнозаводскому начальству. За любые проступки их судили военным судом, приговаривавшим к наказанию кнутом, плетью, шпицрутенами, батогами и к заключению в заводскую тюрьму, из которой водили на работу в кандалах. Суровый военно-казарменный строй в период отработки барщины напоминал порядки военных поселений, установленных позднее в России Аракчеевым.

Тяжесть горнозаводской барщины увеличивалась ещё и тем, что раскладка работ производилась по числу душ, записанных в «ревизские сказки», как называли переписи крестьян, производившиеся раз в 10—15 лет. За умерших и беглых отрабатывали барщину крестьяне, живущие в данном селе. Такой порядок был установлен с переходом алтайских заводов в личную собственность царя.

Дореволюционные историки часто писали о «вольности» крестьян, живущих в Сибири. Они утверждали, что сибирские крестьяне не знали крепостного права. Но уже сам факт существования принудительного труда в алтайском имении опровергает это утверждение. Кроме того, управление заводами отдавало крестьян в услужение горным чиновникам на всё время их службы на заводах и рудниках. Крестьянин становился крепостным человеком чиновника.

Крестьяне не имели права переселяться из одного села в другое. Связанные круговой порукой, они выполняли более

тяжёлую барщину, нежели крепостные европейской части России.

После 1761 года барщинных крестьян перестали использовать для работы в рудниках и на заводах. На их обязанности остались только транспортные, лесо-углезаготовительные и другие вспомогательные работы, не требующие специальных знаний и навыков. Но это не означало какого-либо облегчения их положения.

Строительство новых заводов и рудников увеличило объём транспортных работ. Если до 1761 года руду возили из Змеиногорска в Барнаул, то после 1761 года её начали везти из Змеиногорска на Павловский и Сузунский заводы, расположенные ещё дальше от Змеиногорска. К концу XVIII века увеличилось число заводов (Локтевский, Гавриловский, Томский), а основными рудниками стали Риддерский и Зыряновский.

Новым рудникам и заводам требовалось значительное количество мастеровых, солдат, чиновников, а это означало рост потребности в продуктах питания. Кабинет начал производить принудительные заготовки хлеба по ценам ниже рыночных, причём крестьяне не получали за хлеб и другие продукты денег, а стоимость продуктов, сданных на заводы и рудники, засчитывалась в счёт барщины.

Территория поместья выросла почти вдвое. Помимо централизованного управления потребовались и органы управления на местах. Появились «земские управители» — старосты и старшины. Земским управителем назывался назначаемый начальником Колывано-Воскресенских заводов ставленник Канцелярии из отставных чиновников, который на месте, в волости, осуществлял контроль за выполнением распоряжений Канцелярии. Он отвечал за своевременную явку крестьян на работы, распределял работу между отдельными сёлами волости, представлял начальнику кандидатов в старшины, старосты, уставщики и т. п. Он же следил за выполнением поставок хлеба и других продуктов в счёт барщины, руководил волостными судами (судебными избами), регулировал запашку земель, удалял из сёл купцов и скопщиков продуктов, чтобы они не срывали натуральные поставки заводам.

Введение института «земских управителей» легло новым бременем на плечи крестьян. Земские управители не только открыто брали взятки, но в ряде волостей установили регулярные поборы в свою пользу. Земские начальники издевались над крестьянами: сажали их на цепь, морили голодом, заковывали в колодки, пороли и пытали, причём зачастую

с единственной целью — получить с них «откуп», то-есть взятку.

Своеобразной статьёй доходов земских управителей являлись «мирские платежи», которые шли на содержание волостных контор, судных изб, на постройку общественных хлебных амбаров и т. п.

Учёта денег, собранных в порядке «мирских платежей», не велось, и они в несколько раз превышали подати государству. Большая часть этих сборов оставалась в карманах земских управителей.

В непосредственном подчинении земского управителя находились старшины и старосты. Волостной старшина и сельский староста юридически «выбирались» из крестьян. В действительности кандидатов выставлял земский управитель, а утверждал начальник Колывано-Воскресенских заводов.

Старшины и старосты и были теми людьми, которые определяли, кому из крестьян данного села ехать на барщину и куда, кому и где выполнять государственные натуральные повинности; они раскладывали на крестьян все денежные платежи. Поэтому от старосты или старшины зависело — увеличить или облегчить бремя крепостной барщины.

По указанию Кабинета, старшины и старосты выбирались из зажиточных и богатых крестьян и освобождались от выполнения барщины.

Старшины в свою очередь назначали «уставщиков», которые также освобождались от барщины и следили за её выполнением крестьянами, и «приёмщиков», которые замеряли вырубленный лес, выжженный уголь, вывезенную руду. Вся эта система управления создала многочисленных «начальников», которые грабили крестьян и наживались на барщине.

Барщина усилила расслоение крестьян на Алтае. Богачи закабаляли бедноту. Особенно тяжёлой эта кабала была в сёлах, удалённых на большое расстояние от рудников и заводов. Крестьяне этих сёл на большой срок отрывались от своего хозяйства для выполнения барщины. Беднота не успевала обрабатывать землю, и брала ссуды у богатых, за что, помимо возврата ссуды, должна была ещё отработать на полях богачей.

От барщины особенно страдала беднота, а богачи ухитрялись даже наживаться на ней. В конце XVIII века они начали брать подряды у крестьян на отработку барщинных работ, подрядчик выполнял за крестьян назначенный им объём работ, а они за это платили ему деньгами. Первоначально канцелярия Колывано-Воскресенских заводов преследовала подряд-

чиков, видя в подряде такой способ наживы, который сокращает доходы царя.

Однако взятки горным чиновникам, старшинам и земским управителям давали подрядчикам возможность обходить этот запрет. Подрядная форма выполнения барщины усиливалась с каждым годом и в начале XIX века приняла массовый характер.

Государевы крестьяне Колывано-Воскресенских заводов разорялись также от введения в обращение в имении царя специальной монеты, получившей название «сибирской».

Чеканка монеты из алтайской меди началась на Сузунском заводе по приказу Екатерины II. Имея хождение только в имении царя, «сибирская монета» отличалась размером от общесимперской. Гравенник «сибирской монеты» равнялся по весу пятаку, обращавшемуся в империи.

Так к барщине добавилась и финансовая кабала. Крестьяне не получали общероссийской монеты и должны были покупать всё необходимое только в заводских лавках. Получая за работу гроши; крестьяне покупали только то, что не могли произвести в своём натуральном хозяйстве. Обычно всё необходимое они либо производили сами, либо приобретали в обмен на свои продукты у односельчан.

Двойной гнёт — помещика и многочисленных начальников — приводил к полному бесправию крестьян. Государевы крестьяне Алтая не могли подавать жалоб на своих управителей царю. В 1766 году Екатерина II запретила писарям писать крестьянам какие-либо жалобы лично царю. Суровые наказания ожидали всякого, осмелившегося нарушить этот закон.

Побег и смерть — вот два выхода, которые могли избавить крестьян Алтая от кабалы в императорском поместье, и действительно, побеги крестьян в горы были частым явлением.

Распространённой формой протesta крестьян против невыносимых условий жизни являлись невыходы на работу. Такой протест носил иногда массовый характер. Так, в 1774—78 годах отмечался массовый отказ от выполнения барщинных работ во всём имении. Вероятно, он явился отражением проходившей в то время крестьянской войны под руководством Пугачёва, хотя на Алтае и не было вооружённых крестьянских выступлений.

Массовый отказ от выполнения барщинных работ имел место в ряде волостей северной части Алтая в начале XIX века. Этот факт известен под именем «Чаусского восстания». Причиной восстания явился указ 1807 года, запрещавший част-

ным заводчикам использовать «приписных» крестьян на заводских работах. Для этой цели разрешалось использовать только «обязательных работников». Крестьяне расценили этот указ, как освобождение их от заводских повинностей.

Закон 1807 года не был распространён на государевых крестьян Алтая. В 1810—11 гг. в Чаусской волости начались крестьянские волнения, распространившиеся на ряд соседних волостей. Крестьяне отказывались выполнять барщинные работы, не подчинялись распоряжениям горных чиновников и земских управителей.

Поводом к волнениям послужило изъятие горными чиновниками хлеба из общественных амбаров. Неурожайные годы резко повысили цены на продукты, и горное начальство решило выйти из положения путём реквизиции запасов у крестьян. Крестьяне считали изъятие хлеба незаконным, указывая, что они освобождены от заводских работ, и по указу 1807 года заводским начальникам не подчинены.

Для подавления волнений Канцелярия Колывано-Воскресенских заводов послала воинские команды. Вожаки крестьянского движения были посажены в тюрьму. Однако, опасаясь роста волнений, Канцелярия Колывано-Воскресенских заводов прекратила изъятие хлеба из общественных амбаров.

С 1825 года императорский престол перешёл к Николаю первому. Реакция сковала всю Россию. Николай превратил всех жителей России в поднадзорных. В его царствование положение барщинных крестьян и мастеровых на Алтае стало ещё более тяжёлым.

Николай в 1828 году реорганизовал управление Колывано-Воскресенскими заводами и утвердил положение о мастеровых и крестьянах этих заводов. 420 параграфов закона 1828 года утверждали в имении крепостной порядок.

Приведём некоторые выдержки из этого закона.

«§ 2. Все земли, равно озёра и реки, находящиеся на пространстве, занимаемом селениями приписных крестьян, заводами, рудниками, приисками, ломками цветных камней и другими казёнными заведениями, также Алтайские горы принадлежат ведомству Колывано-Воскресенских заводов... § 4. На землях ведомства заводского запрещается кому-либо устраивать лесопильные мельницы, винокуренные и другие заводы, требующие огненного действия... § 6. Всякого рода металлы, минералы и цветные камни, в сих местах находимые, принадлежат Кабинету».

В этом законе Колывано-Воскресенские заводы именовались «казёнными заведениями», а государственные крестьяне «приписными». Ссылаясь на закон 1828 года, дореволюцион-

ные историки вносили путаницу в вопрос о крепостном праве на Алтае.

Конечно, ни для кого не было секретом, что Кабинет — это управление личными имениями царя, что Колывано-Воскресенские заводы, подчиняясь этому ведомству, являются одним из таких имений.

И всё же некоторые исследователи пытались подвести крестьян Алтая под категорию государственных крестьян, а Колывано-Воскресенские заводы под рубрику казённых заводов, подобных уральским. Правда, с 1830 года Колывано-Воскресенские заводы были переданы в аренду министерству финансов. Однако они оставались собственностью царя, контролировались Кабинетом, а министерство финансов обеспечивало лишь стабилизацию прибыли с имения, внося за выплавляемый металл сумму, равную стоимости 1 000 пудов чистого серебра. Кабинет следил, чтобы фактическая выработка не превышала этой цифры.

Закон легализовал подрядную систему отработки барщины. Теперь уже не от одной сельской общины, а от всей волости или от ряда волостей выступал один подрядчик. Он брался выполнять барщинные работы при оплате ему за «душу работы», т. е. за норму годовой барщины на одну душу, от 6 до 9 рублей. Это в 3—4 раза превышало государственные подати, которые платили крестьяне Алтая. Если учесть, что законом 1849 года стоимость годовой барщины была определена в 57,5 копейки, то станет ясным, какие прибыли получали подрядчики.

Подрядная система отработок барщины усилила процесс расслоения крестьян. С одной стороны, выросла группа подрядчиков, эксплуатировавших бедноту, с другой стороны, беднейшие крестьяне теряли возможность заниматься своим хозяйством. Обследованиями хозяйств крестьян Ояшинской, Тутальской и Пачинской волостей (в районе, прилегающем к Томску) было зарегистрировано от 25 до 39 процентов крестьянских хозяйств, вовсе не занимавшихся земледелием. Барщина разорила их, а богатые крестьяне превратили их в своих батраков.

В ряде волостей Алтая было отмечено уменьшение посевых площадей. Богачи находили выгодным использовать закабалённых ими беднейших крестьян на выполнение барщинных работ в счёт подряда и не расширяли своих посевов.

Натуральное хозяйство, отрыв от рынка сбыта тормозили развитие сельского хозяйства. Внутри царского поместья спрос на сельскохозяйственные продукты был мал, а вывозить их за пределы поместья было нельзя. В 1841 году на-

чальник Алтайского горного округа отметил, что во многих волостях посевы составляли по одной десятине на ревизскую душу, и предписал земским управителям «внушить» крестьянам необходимость довести площади посева до 4-х десятин на душу. Земские управители приказали писарям показывать в сводках, что на каждую душу приходится по 4 десятины посева. Конечно, посевы от этого не увеличились.

Доходы Кабинета, получаемые от эксплуатации крепостных, выражались, даже по официальным, явно преувеличенным расчётам, в миллионах рублей в год.

Барщина крестьян на доставке руды и угля давала годовой доход в 670 000 рублей. За выплавленный металл и золото Кабинет получал более 1 миллиона рублей чистого дохода. Ежегодно в счёт подати крестьяне доставляли на заводы и рудники по 85 тысяч сажен дров, 270 тысяч коробов угля, около 4 миллионов пудов руды.

С 1828 года весь «ясак» (дань), взимаемый мехами с алтайского населения Горного Алтая, также стал собственностью царя. «Ясак» давал свыше 4 миллионов рублей дохода.

ПОЛОЖЕНИЕ МАСТЕРОВЫХ

С первых шагов своей деятельности по управлению алтайским имением Кабинет поставил перед собою задачу — увеличить производственную мощность горнозаводской промышленности, в частности — выплавку серебра и золота. Начиная со второй половины XVIII столетия, выплавке меди отводится второстепенное значение.

Одной из основных причин, тормозивших рост горнозаводской промышленности, являлась низкая производительность труда «приписных» крестьян. Кабинет признал, что нельзя было увеличить добычу драгоценных металлов путём одних только барщинных работ. Правда, уже в первой половине XVIII века на заводах и рудниках, помимо барщины, применяли труд солдат и каторжан. Но за работу солдат военное ведомство требовало оплаты, а труд каторжан был менее производителен, чем труд барщинных крестьян. Поэтому с 1757 года управление Колывано-Воскресенских заводов отказалось от использования труда каторжан и ссыльных.

Кабинет решил пойти по пути увеличения числа так называемых «мастеровых», сделать их основной рабочей силой в горнозаводской промышленности.

Ещё при приёме заводов в ведение Кабинета был издан указ о праве Колывано-Воскресенских заводов набирать мас-

теровых, мастеров и специалистов с государственных заводов Урала.

Но нельзя было оголять и государственную промышленность. Чтобы пополнить недостаток в специалистах, начали присваивать звание горных офицеров даже детям мастеровых.

«Дабы российское дворянство не гнушалось горным делом», горным офицерам (техникам и инженерам) был представлен ряд привилегий. Они были приравнены к артиллерийским офицерам, получили соответствующую форму и знаки различия, повышение жалования. Из детей мелкопоместных дворян, студентов Московского университета и шляхетской школы, на Алтай была направлена группа практикантов для изучения горного дела и последующего производства в горные офицеры.

Императрица Елизавета в 1761 году расширила своё имение, включив в его состав полностью Томский и Кузнецкий уезды Тобольской губернии, и превратила всех крестьян, «сколько их в тех уездах налицо состоит», в государственных. Свыше 30 000 крестьян было приписано к поместью царя. Одновременно была повышена барщина до 165 дней в году и снижены расценки «плаката».

Набрав рекрутским набором в Сибири 1 000 крестьянских семей, Кабинет поселил их на рудниках и заводах и составил из них новую категорию — «горных служителей» (мастеровых).

Набираемые из числа барщинных крестьян путём рекрутских наборов, мастеровые, попав на рудник или завод, становились пожизненными работниками. Дети их с 8-летнего возраста начинали заводскую работу, обычно в качестве разборщиков руды. Редкие из детей мастеровых попадали в горнозаводские школы.

Мастеровые выполняли все работы по добыче и плавке руды, а также все остальные работы, требовавшие специальных навыков. Работали они по 12 часов в день, без выходных и отпусков. С 80-х годов XVIII века была введена трёхсменная работа. Две недели мастеровые работали по 12 часов в смену, третья неделя называлась «гулевой». Она отводилась для земледелия с тем, чтобы мастеровые обеспечивали себя продуктами питания. Для этого они могли использовать земли, прилегающие к заводу или руднику.

Условия работы мастеровых были крайне тяжёлыми. В узких извилистых подземных ходах тускло светились только на поворотах сальные свечи. В самых глубоких выработках, где производилась добыча руды, люди, по колено в во-

де, бурили рудную жилу ручным способом, закладывали в отверстия пороховые заряды и взрывали их. В тучах порохового дыма откатчики толкали тачку с рудою к шахтным стволам, на расстояние от 20 до 150 метров. Из глубины 100—400 метров руду поднимали в бадьях на поверхность ручными воротами, и снова в тачках везли её к рудоразборному сараю.

Длинное помещение сарая было завалено рудою. Старики и дети, подростки и инвалиды разбивали куски руды молотками, сортируя её на богатую и бедную. Надсмотрщики зорко следили, чтобы не допустить хищения золота из рудной массы. Разборка руды отставала от добычи, и летом от рудоразборного сарая до самых шахтных стволов длинными рядами сидели разборщики.

Не легче был труд на заводах. Плавка руды разделялась на ряд последовательных операций. Вначале руду обжигали в особых печах, далее её переносили в другие печи, где, с примесью плавок и флюсов, снова плавили, очищая от примесей. В специальных печах производилось отделение золота от серебра с помощью свинца. Труд был в основном ручной. Только дробление руды производилось на «толчейных станах», которые приводились в движение водоналивными колёсами.

Оплата труда производилась по специальному «штату». Ученики (горные, механические и другие) получали в год по 6 рублей, а мастеровые — от 12 до 24 рублей в год.

Закон 1828 года утвердил военно-казарменный режим для мастеровых.

В нём было записано: «1. Мастеровые Колывано-Воскресенских заводов составляют особое состояние людей, обязанных исполнять горные заводские работы... 5. Никто из мастеровых и ~~нижних~~ чинов и детей их не может быть ~~уволен~~ ни в какое другое состояние без разрешения Кабинета... 36. Мастеровые, назначенные к работам горным в рудниках и плавильным в заводах, продолжают оные две недели сряду, не исключая воскресных и праздничных дней, а на третью неделю освобождаются от всяких работ».

Закон 1828 года определял срок работы мастеровых в «35 лет беспорочной службы», после чего мастеровой мог быть уволен с пенсиею в 2 рубля в год. Однако лишь немногие могли воспользоваться этим правом. Прослужить «беспорочно» на заводах было трудно, а ещё труднее было в течение 35 лет выжить в условиях, в которых протекала работа на рудниках и заводах.

Мастеровые по своему положению фактически являлись крепостными, отличавшимися от барщинных крестьян только характером работы и отрывом от земледелия. Впрочем, с введением «гулевой недели» они занимались и земледелием в своём хозяйстве. Жили они либо в заводских казармах (одиночки и только что набранные по очередному рекрутскому набору), либо в построенных ими домах, отбиравшихся в собственность завода или рудника, как только мастеровые переставали работать.

Вот почему мастеровых на Алтае нельзя считать рабочими. Это были крепостные крестьяне, работавшие на заводах и рудниках. Их отдавали в услужение горным офицерам денщиками, направляли «за неспособностью к горному делу» на заготовки леса, угля или на заводские пашни.

«Горные служители» были подчинены непосредственно управляющему данным рудником или заводом, а распоряжались ими многочисленные надсмотрщики, мастера, горные офицеры. Бесправное положение, зависимость от произвола начальства, штрафы, телесные наказания — таково было положение этой части крепостных крестьян в царском имении.

Тяжесть труда мастеровых увеличивалась отсутствием механизации рудничных и заводских работ. Императорские заводы и рудники могли иметь первоклассную технику не только потому, что они находились в привилегированном положении, но и потому, что здесь работало много талантливых инженеров, вышедших из среды мастеровых. Однако история борьбы этих инженеров за совершенствование техники и отношение к их проектам свидетельствует о нежелании Кабинета механизировать заводы и рудники.

Ручной труд мастеровых и крестьян не требовал крупных затрат и приносил баснословные прибыли, тогда как механизация работ влекла за собою затрату средств на оборудование. Таким образом, крепостной строй, обеспечивавший заводы и рудники дешёвой рабочей силой, являлся главной причиной технической отсталости алтайских заводов.

Засилье иноземцев в составе руководства Колывано-Воскресенских заводов также служило одной из причин технической отсталости. Не случайно только в годы, когда во главе Канцелярии Колывано-Воскресенских заводов стояли русские инженеры, могла развиваться техника. Так, в 1763—68 гг. на Змеиногорском руднике было осуществлено строительство первых в мире заводов-автоматов для промывки и сортировки руды, изобретённых К. Д. Фроловым. В Барнауле в 1763—1766 гг. И. И. Ползунов построил первый

в мире тепловой двигатель. В этот период начальником Колывано-Воскресенских заводов являлся русский инженер Порошин.

Наоборот, в 1769—1784 гг., когда заводами управляли немцы Ирман и Меллер, был сломан двигатель Ползунова, провалены проекты механизации Змеиногорского рудника, представленные К. Д. Фроловым, получила хождение «теория» об истощении Змеиногорского рудника.

В 1785—1797 гг. был построен первый в мире подземный гидротехнический каскад в Змеиногорске, являющийся чудом техники XVIII века (изобретатель и строитель К. Д. Фролов), изобретена и построена первая в России чугунно-рельсовая дорога в Змеиногорске П. К. Фроловым, введены в строй Локтевский, Гавриловский, Змеиногорский заводы, на которых были осуществлены деривационные сооружения. В этот период горным делом руководили русский инженер Соймонов и начальник Колывано-Воскресенских заводов Чулков.

В период с 1809 г. по 1817 год заводами руководил немец Эллерс — и снова на заводах замирает техническая мысль. В 1817—1830 годы к руководству приходит П. К. Фролов. В эти годы осуществлена механизация рудников, переоборудован Гурьевский завод с переводом плавки на каменный уголь, создаются первые на Алтае культурные и научные учреждения.

Конечно, основной причиной слабого развития техники служили крепостничество и косность Кабинета. Но русские инженеры, становясь у руководства заводами и рудниками, находили возможность и в условиях крепостничества двигать вперёд развитие отечественной техники.

Выдающиеся русские изобретатели, работавшие в период подъёма горного производства, сделали Алтай родиной ряда великих изобретений.

Сын солдата горной роты И. И. Ползунов создал первый в мире тепловой двигатель. Сын мастерового К. Д. Фролов создал первые в мире заводы-автоматы. Каскадные гидротехнические сооружения Фролова прочно вошли в энергетику Алтая. Сын К. Д. Фролова — П. К. Фролов создал первый в мире железнодорожный мост и первую в России рельсовую дорогу. Выдающиеся по своему искусству изделия из поделочных камней вырабатывала Колыванская шлифовальная фабрика в период руководства ею солдатских детей Ф. Стрижкова и М. С. Лаулина.

Знаменитые изобретатели, работавшие на Алтае, поставили свой талант на службу народа. Они стремились к бла-

городной цели — облегчить труд людей. Это является величайшей заслугой Ползунова, Фроловых и их последователей — Головина, Ярославцева, Литвинова, Лаулина, Ваганова, Речкунова и многих других талантливых русских изобретателей, работавших на заводах и рудниках Алтая.

Косность императорского Кабинета похоронила сотни проектов, способных оснастить Россию лучшей в мире техникой. Проект водопроводной установки для Барнаула с автоматикой для тушения пожаров, принадлежавший К. Д. Фролову; проекты рельсовой дороги Змеиногорск — Кашино в сочетании с водным путём Кашино—Барнаул и чугунной дороги оз. Эльтон — Волга, автором которых является П. К. Фролов; проекты паровых машин С. Литвинова, представлявшие подлинную программу развития паротехники, доведённой до уровня техники наших дней, и многие другие проекты были похоронены в архивах. Они стали известны только при советской власти.

Если передовые представители мастеровых, русские изобретатели, видели в развитии техники условия для облегчения жизни крепостных, то сами мастеровые и государевы барщинные крестьяне выход из кабалы видели только в побегах. Особенно массовый характер побеги приняли в период 1761—1784 годов. Сотни семей крестьян, солдат и мастеровых бежали в долины бассейна р. Бухтармы. Там они образовали сибирскую вольницу, известную под названием «бухтарминских каменщиков» или «Беловодье».

Беглые «каменщики» вначале успешно отражали карательные экспедиции китайских и русских войск. Однако со временем они обратились к Екатерине II с просьбой принять их в русское подданство. Екатерина II приняла их «на правах инородцев» в состав своего имения. Но и после этого легенда о «Беловодье» не раз являлась причиной массовых побегов.

Кабинет принимал суровые меры, чтобы предотвратить побеги. В 1761—1763 гг. заводы и рудники были ограждены цепью крепостей от Алтайских гор. Это была линия, препрятавшая беглецам путь в горы. Она тянулась от Усть-Каменогорска до Бийска и от Бийска до Кузнецка. Казачьи войска встали на защиту границ царского имения. Все заводы и рудники были превращены в крепости, в которых, как за тюремными стенами, держали мастеровых.

Кабинет жестоко наказывал за побеги. О беглецах с завода, рудника, из деревень рассыпались по всем волостям и крепостям сведения с приметами бежавших.

Пойманных судили военным судом. Горному начальству было предоставлено право наказывать мастеровых. Устав о наказании предусматривал прогонять виновного в побеге шесть раз сквозь строй батальона солдат, каждый из которых должен был нанести беглецу удар розгой. Если в батальонах числилось до 800 солдат, то, следовательно, высшая мера наказания предусматривала до 4 800 ударов. Не удивительно, что такое наказание часто кончалось смертью.

Помимо «зелёной улицы», применялись наказания плетьми или кнутом. Так как палач ударом кнута мог сломать жертве позвоночник, то смертные случаи при этом были весьма частым явлением. Потерять молодого крепостного начальство не хотело, а о стариках оно не заботилось, поэтому к наказанию кнутом приговаривались, как правило, старики.

Выживший после наказания мастеровой приковывался цепью к тачке, если он работал в руднике, или к плавильной печи. Прикованные к тачкам не выпускались на поверхность, а после работы загонялись в подземную выработку, выход из которой на поверхность земли был замурован. Прикованные к печи не могли уходить с места работы и после смены, оставаясь у печи на цепи и в часы сна. К такому колоднику прикреплялся мастеровой — «поручитель». При побеге колодника, на его место приковывали «поручителя» до поимки бежавшего.

Несмотря на жестокие меры, число побегов не уменьшалось, а возрастало. Были отдельные мастеровые, которые ухитрялись бежать по нескольку раз.

Крепостной Алтай иногда называли каторгой. Но это — слишком слабое сравнение. Крепостные мастеровые и крестьяне часто возводили на себя ложные обвинения в убийстве, чтобы по суду попасть на каторгу. Убийц приговаривали к каторжным работам на Нерчинских рудниках. Отбыв 10—12 лет каторги, осуждённый попадал на поселение. Вместо пожизненной работы на императорских рудниках и заводах Алтая, он работал в руднике только 10—12 лет. Нельзя не согласиться с тем, что в подобном случае он облегчал свою часть.

ПЕРВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НА АЛТАЕ

В период подъёма горного производства на Алтае были созданы первые научные и культурные учреждения. В конце XVIII века В. В. Петров, в дальнейшем первый русский электротехник и выдающийся учёный академик, основал в Барнауле горное училище. Оно было создано на базе быв-

шего Барнаульского благородного училища, открытого для детей горных чиновников. В. В. Петров принимал в горное училище детей солдат, крестьян и мастеровых. Воспитанники этого училища М. С. Лаулин и П. М. Залесов стали в дальнейшем талантливыми инженерами-изобретателями.

В 1761 году в Барнауле была основана первая на Алтае библиотека. О её расширении заботились В. В. Петров и П. К. Фролов. Последний выработал оригинальную систему учёта и хранения книг и правила пользования библиотекой.

В конце XVIII века произвёл первые ботанические исследования Алтая выдающийся путешественник П. И. Шангин, сын барнаульского подьячего, основавший в Барнауле оранжерею и ботанический сад. Шангин открыл ряд выходов поделочных камней в области горного Алтая, в их числе — знаменитый коргонский порфир. Его открытия способствовали развитию камнерезного искусства.

В начале XIX века начал исследования по истории Сибири Г. П. Спасский, бывший канцелярист. Его труды положили начало изучению археологии Алтая. Спасский работал на Змеиногорском руднике инженером и был освобождён для научной работы начальником Колывано-Воскресенских заводов П. К. Фроловым. Спасский собрал ряд коллекций по археологии и древним рукописям, воспитал большой коллектив местных исследователей.

П. К. Фролов, П. Г. Ярославцев, Климов построили коллекцию моделей, отражавших историю развития техники на Алтае. Она послужила основой для организации Барнаульского музея, который был открыт П. К. Фроловым в 1827 году.

П. К. Фролов и М. С. Лаулин в 1808 году начали производить первые метеорологические наблюдения на Алтае. В 1830 году в Барнауле была начата постройкой одна из первых метеорологических станций России. П. К. Фролов собрал коллекцию картин, организовал первый на Алтае хор из учащихся горного училища и оркестр из солдат-музыкантов.

Однако все эти прогрессивные стороны деятельности отдельных талантливых представителей народа в условиях Алтая не могли получить широкого развития.

Горное училище в 30-х годах XIX века было превращено в училище для детей дворян и горных чиновников. Школьная сеть состояла из пяти школ для подготовки мастеровых. Царю-помещику не нужны были грамотные крепостные, и потому даже та куцая реформа народного просвещения, которую проводила Екатерина II в России, не коснулась Алтая.

Указ Екатерины II предписывал в каждом уездном городе открыть «уездное» училище. На Алтае было четыре населенных пункта — Барнаул, Кузнецк, Бийск и Змеиногорск, приравненных к уездным городам, но ни в одном из них не было открыто такое училище. Реформа послужила на Алтае предлогом для сбора денег с крестьян на постройку школ. Но это строительство так и не начиналось на протяжении всего крепостного периода.

Для барщинных крестьян в имении не было больниц. Госпитали в Барнауле, Змеиногорске и на других заводах и рудниках обслуживали только мастеровых.

Но зато Кабинет проявлял большую заботу о постройке церквей. Во всех крупных сёлах, на всех рудниках и заводах были открыты церкви. В 1830 году была основана духовная миссия для крещения «инородцев», как называли людей нерусской национальности. Нетерпимость к иной вере, кроме «православной», не помешала открыть в Барнауле лютеранскую церковь и костёл для иноземцев, составлявших большинство горных офицеров Колывано-Воскресенских заводов и лекарей в заводских госпиталях.

Созданные П. К. Фроловым научные и культурные учреждения были недоступны трудовому народу. Барнаульский музей был открыт для посещения только чиновникам и знатным путешественникам. Остальные культурные учреждения также обслуживали только горных офицеров и чиновников.

Тюрьма народов — такой была царская Россия. Имение царя было особым отделением этой тюрьмы, на которое не распространялись даже те законы, которые действовали в остальной части России.

ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В ЦАРСКОМ ИМЕНИИ

К середине XIX века крепостной строй в России стал серьёзным тормозом для развития капитализма. Крепостной труд становился невыгодным ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности. Крымская война показала всю глубину экономической отсталости России. Движение крестьян, вызванное недовольством крепостным правом, было чревато угрозой крестьянской революции.

В этой обстановке «царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запущенное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право». (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 5).

✓ Указ об отмене крепостного права был опубликован 19 февраля 1861 года, но подготовка реформы началась ещё в 1857 году.

Как же проходила подготовка к реформе в алтайском имении царя?

В 1855 году кончился срок аренды Алтайского горного округа министерством финансов. Новый владелец алтайского имения, Александр II, указал на необходимость разработать мероприятия, которые позволили бы увеличить доходы с земли.

Александр II получил на Алтае огромное имение, с территорией в 40 миллионов десятин. Позднее, в ходе землеустройства, территория царского имения несколько увеличилась путём прирезки новых земель и занимала 42 миллиона шестьсот тысяч десятин (свыше 444 000 кв. км). Расположенное между линией от оз. Чаны до г. Томска и границами Монголии, от Иртыша на западе и реки Томь на востоке, бывшее царское поместье по площади равнялось Швеции в её нынешних границах.

Александр II принял все меры к тому, чтобы в своём алтайском имении сохранить на долгие годы крепостные порядки и не допустить уменьшения доходов.

Если в России после реформы осталось много пережитков крепостничества, то на Алтае крепостные порядки сохранились почти в полной неприкосновенности. Александр II и его наследники не гнали грабежом не только своих бывших крепостных, но и государственного казначейства.

13 января 1858 года Александр II образовал комитет под председательством министра двора «для обсуждения способов преобразования государственных, государственных, удельных дворовых и заводских крестьян в видах освобождения их от крепостной зависимости».

В состав этого комитета вошли министры — внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения, управляющий дворцовыми имениями и управляющий императорским Кабинетом.

22 февраля 1858 года была образована комиссия при министерстве финансов для разработки правил устройства быта мастеровых и приписных крестьян казённых и частных заводов. В эту комиссию был введён представитель Кабинета.

В мае 1858 года Кабинет и комиссия министерства финансов подали министру двора свои проекты реформы.

Проект Кабинета предлагал: «1. Горнозаводских мастеровых алтайских и нерчинских заводов следует рассматривать

как оседлых военнослужащих... 5. Крестьян, приписанных к заводам, в настоящее время не касаться и применять к ним те улучшения, которые будут приняты для своих крестьян удельным ведомством, с заменою горнозаводской работой повинностей поземельных, оброчных и других. 6. Так как заводские работы крестьян суть умеренная баршина, обращённая на горный промысел, и так как никакое другое применение труда не доставит Кабинету более выгод, то Кабинет находит не нужным преобразовывать заводские работы в их существе или отменять совсем¹.

Проект вовсе не касался вопроса наделения крестьян землёю. Кабинет не мыслил даже об отмене существовавшего на Алтае порядка. Наоборот, все повинности крестьян, не связанные с горнозаводскими работами (подати государственному казначейству, государственные натуральные повинности и т. п.), Кабинет предлагал заменить горнозаводскими работами, то есть той самой баршиной, которая была основной обязанностью крестьян Алтая до 1861 года. Проект показывает, что Кабинет намеревался допустить в положении крестьян лишь те изменения, которые не шли вразрез с его интересами.

Характерно, что в этом документе, в отличие от текстов официальных указов, горнозаводской труд открыто называется баршиной, тогда как в официальных документах он назывался «издельной повинностью», «обязательным трудом».

Проект министерства финансов предлагал внести следующие изменения в положение горнозаводских мастеровых Алтая: мастеровые обязаны были работать на заводе в течение 250 дней в год. Работа эта в проекте называлась «обязательным трудом». После отработки всего обязательного срока им предоставлялось право наниматься на другие заводы или заниматься своим хозяйством.

Из поселений мастеровых образуются особые общины, члены которых связаны круговой порукою о выполнении «обязательного труда». Община мастеровых на свои средства содержит малолетних и престарелых, на что собираются с работающих деньги. Эти средства хранит и распределяет управление завода.

Управление завода может предоставить общине землю для запашки. Усадебная земля сохранялась в пользовании мастерового до тех пор, пока он или члены его семьи рабо-

¹ Исторический архив краевого музея, опись 1, дело 64, лист 9.

тали на заводе. Община мастеровых платит все подати за своих членов даже и тогда, когда кто-либо из них выбывал из общины. Община сама определяет, кто из мастеровых может прекратить работу, когда дети мастеровых должны начинать трудовую жизнь.

Этот проект также не вносил существенных изменений в положение мастеровых. Все права, предоставляемые проектом мастеровым, являлись фикцией. Оставалось в силе старое положение. До реформы мастеровые, с учётом «гульской недели», работали на заводе или руднике 240 дней в год, им также давалась земля для запашки, для усадьбы. Община, предложенная проектом, была ничем не лучше, чем дореформенное горнозаводское селение с его системой управления.

Таким образом, и Кабинет и министерство финансов, под видом реформы, предлагали не только сохранить существующее положение, но и увеличить срок барщины для крестьян и крепостного труда для мастеровых.

Правительство отчётливо понимало, что в таком виде реформу осуществлять нельзя, так как она неизбежно вызовет волнения крестьян и мастеровых. Поэтому оба проекта были отклонены. Решено было выработать новый проект. Два года составлялись новые проекты реформы. В 1861 году, когда дальше тянуть уже было нельзя, окончательный текст проекта Кабинета был подписан Александром II и стал законом. Опубликованный в марте 1861 года, этот закон известен под названием указа 8 марта 1861 года.

Основные положения указа о барщинных крестьянах сводились к следующему:

«1. Распространить на крестьян, приписанных к алтайским горным заводам, права свободных сельских обывателей...

2. Впредь до приведения в известность и разграничения земель Алтайского горного округа, предоставить крестьянам, в оном поселённым, пользование всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодиями в тех размерах, в которых ныне угодия сии в их пользовании состоят.

3. Для перехода алтайских крестьян с нынешней издельной повинности на оброк, определить трёхгодичный срок со дня обнародования сего указа с тем, чтобы по истечении первого года заменена была оброком одна треть обязательных работ; по истечении второго года — другая треть, а по истечении третьего года обязательная работа была бы вовсе отменена, и за сим крестьяне оставались при одной денежной повинности».

✓ В указе объявлялось о замене барщины оброком, но величина этого оброка не была определена. История установления стоимости оброка интересна тем, что она вскрыла истинные намерения царя получать доход с поместья в больших размерах, чем до реформы.

Ещё в 1858 году министр двора предложил Кабинету представить сведения о выполнении крестьянами барщины. Министр двора знал, что за «душу работы», т. е. за годовую барщину, крестьянам платят по 57,5 копейки, но он не знал, сколько получают с крестьян подрядчики за ту же «душу работы». Эту сумму он и предложил выяснить.

В результате «исследования» этого вопроса Главным правлением Алтайского горного округа было установлено, что в среднем за шесть контрольных лет (с 1851 по 1856 год) подрядчики брали во всех волостях с каждого крестьянина следующую плату: при перевозке руды 4 руб. 50 коп., при перевозке угля 7 рублей 63 коп., на заготовках угля — 5 руб. 66 коп. Средняя плата была исчислена в сумме 6 руб. 40 коп.

Вычтя из этой суммы 57,5 коп., Кабинет определил, что подрядчики получали с крестьян на 5 рублей 82,5 коп. больше кабинетской платы. По мнению Кабинета, это определяло чистый доход подрядчиков за каждую «душу работы». Позднее, в 1861 году, министерство двора определило этот доход в сумме 5 руб. 5,5 коп.

Средний доход подрядчиков Кабинет решил взять за величину оброка с барщинных крестьян. Лишаясь дохода от барщины, Кабинет решил возместить эту потерю увеличением оброчной платы.

Но за что же Кабинет хотел получать с крестьян оброк, когда барщина, дававшая доход подрядчикам, отменялась указом 8 марта 1861 года?

В письме министру финансов в 1861 году министр императорского двора так отвечал на этот вопрос: «оброчную подушною платою должен быть заменён прежний поземельный оброк, 2 руб. 29 коп., и нынешняя обязательная заводская барщина. Стоимость работы этой вместе с оброком обходились крестьянину в 7 руб. 33,5 коп.

✓ Уплачиваемые государственному казначейству 2 руб. 29 коп. были оброком поземельным. Затем установившаяся по времени, в виде барщины, заводская работа также выражала как бы плату за землю. Таким образом, крестьяне платили за землю вдвое — казне и землевладельцу. Земли Алтая — собственность государя-императора, поэтому плата за землепользование должна поступать не в казну, а в Ка-

бинет. Если крестьяне помещичьи и удельные платят своим землевладельцам за занимаемые земли, то нет основания делать исключение для Кабинета¹.

Министр двора предлагал «облегчить» положение крестьян и установить оброк в 6 руб. в год, передавая его целиком Кабинету, то-есть царю.

Министр финансов обратил внимание министра двора на то, что облегчение положения крестьян должно происходить не за счёт государства, а за счёт землевладельца. При обращении оброка в 6 руб. целиком в доход Кабинета, государственное казначейство потеряет в год до 300 000 рублей дохода от поземельного оброка с алтайских крестьян. А Кабинет получит не только полностью «стоимость барщины», но даже больше прежней суммы по 95,5 коп. с каждого крестьянина. Министр финансов считал необходимым оставить по-прежнему поземельный оброк государству в 2 руб. 29 коп., ибо «казна не получает с добываемых на Алтае металлов податей, следуемых ей, так как заводы эти не составляют казённой собственности». Министр финансов высказал предположение, что двойная оплата за землю объясняется тем, что в казну крестьяне платили оброк в счёт налогов за выплавленный металл.

Эта переписка между министрами двора и финансов вскрыла факт перекладывания царём налога за выплавленный металл на крестьян, выполнявших барщину. Такая практика продолжалась с 1761 года, то-есть в течение 100 лет. И в период реформы Кабинет решил попрежнему не платить этих налогов, а заставить крестьян вносить их, и притом не государству, а царю.

Помня о предупреждении начальника Алтайского округа Озёрского, что крестьяне считают землю, находящуюся в их пользовании, своей собственностью, и что установление поземельного оброка может вызвать восстание 146 000 барщинных крестьян, Кабинет пошёл на уступку. Он предложил разделить 6-рублёвый оброк между царём и государственным казначейством. После ряда споров с министерством финансов оброк был разделён в следующей пропорции: 4 руб. 50 коп. – царю и 1 руб. 50 коп. государственному казначейству.

Если подрядчики брали, по определению Кабинета, в среднем по 5 руб. за «душу работы», то после отмены барщины крестьяне стали платить царю за землепользование по

¹ Исторический архив краевого музея, опись 1, дело 64, лист 16.

4 руб. 50 коп. Царь получал львиную долю прибылей прежних подрядчиков, казна понесла убыток от снижения на одну треть поступавших с алтайских крестьян платежей в счёт податей за выплавку металлов.

А для крестьян увеличилось бремя платежей, так как раньше не все крестьяне платили подрядчикам деньги за барщинные работы, а затем, наряду с оброком царю, остались в силе другие сборы, в том числе «мирские платежи». Кроме того, с 1856 года с крестьян начали взимать так называемые «межевые сборы».

Указ 8 марта 1861 года предлагал «освободить от обязательного труда» мастеровых в Алтайском округе в следующие сроки: в течение 1861 года подлежали освобождению мастеровые со стажем безупречной работы свыше 20 лет. Таких мастеровых было очень мало, так что в 1861 году на Алтае мастеровые не получили «свободы». В течение 1863 года освобождались мастеровые со стажем безупречной работы свыше 15 лет и только 8 марта 1864 года все мастеровые были освобождены от крепостной работы.

Мастеровые получили «свободу», но не получили ни земли, ни других средств существования. Только в том случае, если они оставались на работе, они могли пользоваться землёй завода или рудника.

Хотя указ 8 марта 1861 года явился началом реформы в имении царя, но крепостной труд сохранялся на Алтае до 1864 года на «законных» основаниях. Только в 1865 году начались некоторые изменения в жизни крестьян и мастеровых.

ЦАРСКОЕ ИМЕНИЕ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

После реформы 1861 года помещичьи крестьяне долгое время находились на положении «временнообязанных». Они должны были за полученные наделы попрежнему отрабатывать барщину или выплачивать оброк. Лучшие земли крестьянского землепользования были отрезаны помещикам, а крестьянам осталось в среднем по 3,3 десятины на «ревизскую душу». Помещики получили в счёт выкупных платежей за землю огромные суммы. Крестьяне должны были вносить выкупные платежи в государственное казначейство на протяжении 49 лет, уплачивая к тому же проценты с суммы выкупа.

Государственные крестьяне в 1866 году получили за выкуп в бессрочное пользование по 5,7 десятины земли на душу. Крестьяне удельного ведомства в 1863 году за выкуп получили наделы по 4,2 десятины.

Особенно долго тянулось наделение землёй помещичьих крестьян. Лишь в 1881 году временнообязанные должны были выкупать наделы в обязательном порядке.

Царское имение на Алтае наиболее отставало от «темпов» землеустройства крестьян. Указ о наделении алтайских крестьян землёй был подписан Николаем II в 1899 году. 38 лет крестьяне являлись временнообязанными, выплачивая царю оброк за пользование прежними наделами.

Этот оброк был главной статьёй дохода имения до 1899 года и, вполне естественно, все мероприятия Кабинета в этот период преследовали одну цель — повысить сумму оброка. Такая политика Кабинета затормозила рост экономики и культуры Алтайского округа.

В период с 1865 года по 1883 год горное производство на Алтае оказалось в положении затяжного кризиса, завершившегося полным упадком. Кризис и упадок горного производства на Алтае нельзя объяснить «истощением месторождений» руд, как пытались это сделать некоторые исследователи. Ряд бывших императорских рудников эксплуатируется в советское время, и руководители этих предприятий не жалуются на отсутствие или бедность рудных месторождений.

Нельзя утверждать, что причиной кризиса и упадка горного производства на Алтае явилась отмена крепостного права. Конечно, барщина и даровой труд крепостных мастеровых приносили баснословную прибыль.

Но использовавшая труд крепостных промышленность Урала и европейской части России после 1861 года не пришла в упадок. Наоборот, «после отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, ещё задерживавшие это развитие. За 25 лет, с 1865 по 1890 год, количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 тысяч до 1 433 тысяч, то есть более чем вдвое.

Ещё быстрее стала развиваться капиталистическая крупная промышленность в России в 90-х годах». (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6—7).

В действительности, упадок горного производства на Алтае объясняется его крайней технической отсталостью. Тогда как частные заводчики перестроили свои предприятия на капиталистический лад, Кабинет отказался вкладывать средства на переоборудование заводов и они не могли выдержать конкуренции с капиталистическими предприятиями России. Царь и после отмены крепостного права оставился помещи-

ком, рассчитывавшим получать огромные доходы со своих земель в виде подушного оброка.

Указание Александра II о повышении доходов с земли было претворено в жизнь в пореформенный период. Кабинет увеличил контингент временнообязанных крестьян и обложил их подушным оброком. Кроме того, размеры поместья были увеличены путём прирезки новых земель.

Площадь крестьянского землепользования была сокращена за счёт захвата земель у крестьянских общин. Эти земли передавались новым временнообязанным крестьянам. Наконец, Кабинет стал сдавать земли в аренду частным предпринимателям.

Предоставив барщинным крестьянам право пользоваться прежними наделами, Кабинет обязал их платить за это подушный оброк. Бывшие барщинные крестьяне царя стали его временнообязанными оброчными крестьянами. В чём заключалось их различие от барщинных крестьян?

От барщинных они отличались личной свободой. Их уже не гнали за сотни вёрст на отработки податей. Однако полученная «свобода» имела ряд ограничений, оставшихся от крепостного состояния.

Следующая отличительная черта временнообязанных крестьян от барщинных заключалась в том, что барщинные крестьяне отрабатывали подати или откупались от принудительного труда натурой — поставками продуктов сельского хозяйства.

Временнообязанные не выполняли баршины, они не были обязаны выполнять натуральные поставки, а за пользование земельным наделом платили оброк.

Барщинные крестьяне вели натуральное хозяйство. Иное дело оброк. Для уплаты оброка нужны деньги, а деньги можно было добыть от продажи продуктов своего хозяйства на рынке. Поэтому хозяйство временнообязанных крестьян должно было стать товарным хозяйством.

Отмена крепостного права способствовала превращению натурального хозяйства крестьян Алтайского округа в товарное, влекла это хозяйство на капиталистический путь развития. Но сохранившиеся остатки старых форм жизни и быта алтайских крестьян тормозили развитие капитализма в деревне, а, тем самым, сохраняя пережитки феодальных отношений, тормозили и развитие экономики Алтая в целом.

Общинная система землепользования мешала развивать частному крестьянскому хозяйству. Между тем царь узаконил именно общинную форму жизни алтайских крестьян.

Крестьянская община была удобна Кабинету для создания круговой поруки за выплату оброка. Каждый член общины обязан был нести тяжесть платежей, падавших на общину в целом. За беглых и умерших после ревизской сказки 1857 года платили крестьяне, входящие в состав общины. Она стала средством прикрепления крестьян к земле, а следовательно, средством обеспечения выплаты оброка.

В Алтайском горном округе было много земель, не входивших в землепользование крестьян. Эти земли называли «пустолежащими», «пустопорожними» и «свободными». Все эти земли принадлежали Кабинету.

Желая порвать по каким-либо причинам связь с данной общиной, крестьяне выезжали на такие земли и образовывали новые посёлки. Но переселенцы оставались членами старой общины и платили положенные платежи вместе с нею. Так было при крепостном праве.

Выселение на «пустолежащие земли» после реформы рассматривалось Кабинетом, как рост земель крестьянского землепользования, что запрещалось законом от 8 марта 1861 года, предоставлявшим в пользование крестьян земли «в прежнем размере».

Поэтому 30 июля 1865 года Александр II предложил запретить крестьянам Алтайского горного округа переселяться на «пустолежащие» земли. Тех, кто нарушал это предписание и выселялся из общинного землепользования, водворяли на место старого жительства. Так было с крестьянами с Секисовского, лежавшего на тракте от Змеиногорского рудника к Риддерскому, выселившихся в деревню Зимовскую в 1868 году. Так было с крестьянами деревни Солоновки, образовавшими новую деревню Лютаву (в Алтайской волости), и со многими другими. Вместо крепостного ярма царь надел на крестьян общинное ярмо.

По разъяснению Кабинета, крестьяне Алтая после 1861 года не имели права переходить в любое другое сословие без согласия общины, вносить за выбывающего платежи и выполнять натуральные повинности. Этот пережиток крепостничества сохранялся для того, чтобы предотвратить попытки крестьян освободиться от уплаты оброка.

В России действовал закон об обязательном наделе, от которого не мог отказаться временнообязанный крестьянин. Это положение распространялось на Алтай. Прикреплённые к общине крестьяне, не имея права без её согласия переходить в другое сословие, обязаны были нести бремя платежей за пользование землёй, хотя и не получали наделов.

Земельная рента в виде оброка с временнообязанных крестьян вскоре перестала удовлетворять Кабинет. Он начал искать новые пути повышения доходности имения.

С этой целью были обложены оброком те крестьяне, которые при крепостном праве не являлись барщинными, хотя и жили на территории царского имения. Принятые на правах инородцев бывшие бухтарминские «каменщики», крестьяне Смоленской и Кузнецко-Подонинской волостей, не отбывавшие барщину, были превращены, наравне с барщинными, во временнообязанных. Земли, которыми они пользовались, стали приносить доход в виде оброка.

С 1865 года началась прирезка земель к имению от соседних с Алтаем губерний. В результате таких прирезок крестьяне, получившие в бессрочное пользование свои наделы от государства, превращались во временнообязанных государственных крестьян, обязанных платить оброк Кабинету.

Захват государственных земель Кабинетом привёл к разногласиям о границе между Алтайским горным округом и только что созданной Семипалатинской областью. Спор этот разгорелся в 1865 году. Управление Семипалатинской области, решив, что границу можно изменить в связи с кочёвками казахского населения по Кулундинской степи, выставило притязания на включение этой степи в состав Семипалатинской области. В ответ на это Главное управление Алтайского округа заявило претензии на включение в территорию округа Лягинской волости, входившей в состав Семипалатинской области. Этот спор решил Александр II, указавший, что следует «при соображениях по сему предмету не упускать из виду соблюдение интересов Кабинета».

В 1875 году Кабинет предъявил претензии на включение в состав имения Спасской и Уртмановской волостей Томской губернии. Спор тянулся 19 лет и всё же притязания Кабинета на эти земли были удовлетворены. Населявшие эти волости свыше 6 000 крестьян мужского пола были превращены во временнообязанных царя.

В 1820—22 годах проводилось межевание, точнее — определение границ царского поместья на Алтае. Результаты этого межевания были нанесены на карты. Эти документы мешали царю захватывать государственные земли, граничащие с его имением. Александр II издал указ об отмене картографического материала 1820—22 гг., якобы из-за его «неточности».

В 1865 году Александр II разрешил крестьянам европейской части ~~России~~ переселяться в Сибирь. Это было вызвано массовыми волнениями крестьян из-за малоземелья.

Земельные просторы Сибири царское правительство хотело использовать как средство для успокоения крестьян.

Малоземельные крестьяне видели в переселении выход из своего тяжёлого положения. Поток переселенцев хлынул в Сибирь.

В это время появилась теория о «свободных землях, ждущих земледельца» на Алтае. Её проповедывали представители царского самодержавия, чиновники, а также буржуазные исследователи Западной Сибири.

Переселенцам в Алтайском округе предоставили право выбора места поселения либо на землях, не занятых старожилами, либо на землях старожильческих общин, по их приговору о принятии переселенцев в члены общины. Переселенец мог поселиться в сёлах старожилов и без принятия его в члены общины, если он получал разрешение старосты и крестьянского начальника.

Независимо от выбора места поселения, переселенец с момента «водворения» на территорию округа превращался во временнообязанного крестьянина и нёс, наряду со всеми крестьянами округа, их обязанности. Его облагали 6-рублёвым подушным оброком, он должен был нести натуральные повинности, платить «мирские» платежи и межевую подать.

Таким образом, водворившийся в округ переселенец сразу же платил Кабинету за землепользование, хотя не всегда он получал право на пользование землей.

Прибывший из России в Томск переселенец, изъявивший согласие селиться в Алтайском горном округе, направлялся туда губернским правлением. В Барнауле он являлся в управление округом, где и получал разрешение на поселение. Это называлось «водворением» в округ.

Если переселенец селился на земле, не числящейся за старожилами, ему через крестьянского начальника отводился участок для поселения и пахотная земля. Переселенец мог обрабатывать этот участок земли, но не имел права пользоваться лесом до «причисления» к округу. О каждом переселенце управление округом запрашивало власти его прежнего жительства, разрешено ли ему переселиться в Сибирь и не числятся ли за ним недоимки.

Только после получения положительного ответа на такой запрос переселенец «причислялся» к округу и мог пользоваться правами временнообязанного крестьянина.

В сёлах старожилов переселенец становился «причисленным» с момента принятия его приговором крестьян в число членов общины. Он получал тогда землю от общины и вы-

полнял все платежи наравне со старожилами. До причисления поселившийся в селении старожилов переселенец не получал ни земли, ни леса, но платил оброк в 6 рублей и другие платежи за право жительства в селе.

Переселенцы, поселившиеся вне старожильческих селений, годами ожидали своего «причисления» к округу. Не имея инвентаря, денег, семян для посевов, права на пользование лесом, новосёлы вынуждены были искать заработка для обзаведения хозяйством и для уплаты 6-рублёвого оброка.

Ужасающая нищета и голод были уделом крестьян, поверивших в «свободу» землепашства в Алтайском округе. Летом они батрачили у богачей-старожилов, а зимою искали заработка на стороне. Много переселенцев возвращалось на прежнее место жительства или гибли от голода и болезней.

Тысячи переселенцев скитались по округу в поисках общества старожилов, которое согласилось бы принять их в свой состав. В этих обществах они могли рассчитывать на некоторую помощь в обзаведении хозяйством.

В старожильческой среде переселенцев по-разному встречали беднота, среднее крестьянство, богатые крестьяне.

Бедняки и середняки охотно соглашались на приём переселенцев в общину. Это уменьшало бремя платежей, падавших на каждого старожила. Наделение переселенцев землёй из общинного землепользования не задевало интересов бедняков и середняков, не имевших крупных запасов.

Богатые старожилы, напротив, были настроены против приёма переселенцев в члены общины, хотя охотно разрешали им селиться в селе. В связи с возросшим, после отмены крепостничества, спросом на сельскохозяйственные продукты, они увеличили площадь посевов и вели крупное товарное хозяйство, а для ведения такого хозяйства требовались батраки. «Водворённые» в округ безземельные переселенцы легко закабалились богачами и превращались в батраков. Следовательно, для богатых старожилов невыгодно было наделять переселенцев землёй, и поэтому они противились приему переселенцев в члены общины.

В начале переселения мотивом отказа служило то, что общество, якобы, не знает людей, желающих вступить в его состав. Позднее богачи стали требовать от переселенца, чтобы он оплатил (выкупил) «приговор» о принятии его в общество. Уже в 70-х годах XIX столетия цена «приговора» выросла до 100 рублей. Разорившиеся при переезде из России, переселенцы не имели таких денег. Чаще всего они вообще приезжали на Алтай без средств. Не получая ссуды

от государства и льгот по выплате оброка, они шли в кабалу к богачу-старожилу или искали заработка у заводчиков и арендаторов царских земель.

Характерно, что в то время в Алтайском округе один и тот же оброк в 6 рублей платили и богач-старожил и его батрак-переселенец. Нередко случалось, что переселенец платил даже больше старожила-кулака, если в его семье было больше «душ мужского пола».

Понятно, что большинство переселенцев, рвавшихся на «просторы» алтайских земель, вскоре по приезде освобождались от иллюзий. Обширен был Алтайский горный округ, не меряны были его просторы, но тесно было на этих «просторах» трудовому крестьянину. Слишком много захребетников сидело на его плечах, и главным из них являлся царь.

Но, может быть, переселенец, селившийся на «свободных» землях, не входивших в черту старожильческого землепользования, попадал в лучшее положение? Нет, и такому переселенцу приходилось не лучше, чем тому, кто вступал в члены общины. Он также нёс все тяготы, в том числе и уплату податей за умерших.

Плата за умерших после ревизии 1857 года значительно увеличивала бремя платежей для крестьян. Не редки были сёла, в которых умершие составляли половину числа «ревизских душ». Переселенцы заявляли: «Платить за живых сибиряков мы согласны, а что же нам платить за мёртвых?»

И всё же платить «за мёртвых сибиряков» приходилось даже тем новосёлам, которые поселялись вне селений старожилов. В Алтайском горном округе разрешалось образовывать отдельное общество в селении, имевшем определённое число душ. Если в переселенческом посёлке было меньше душ, чем устанавливало положение, то такие посёлки включались в одно общество с соседним старожильческим селом..

И без того тяжёлое положение переселенцев в Алтайском горном округе ухудшалось из-за враждебного отношения к ним богатой части старожилов. Обычно переселенцы, получившие разрешение на поселение среди старожилов, селились на окраине села. Алтайская деревня того времени по внешнему виду делилась на две части: в центре жили старожилы, на окраинах, в землянках и худых домишках, ютились переселенцы.

Старшины из кулаков-старожилов старались переложить на переселенцев всю тяжесть натуральных государственных повинностей, брали с них большую часть платежей. При поддержке со стороны крестьянских начальников и полиции, кулачи разжигали вражду между старожилами и переселенца-

ми. Эта вражда приводила зачастую к разгрому квартир и хозяйства переселенцев, и даже к разгрому переселенческих посёлков.

Наиболее частым поводом к погрому служили споры о границах землепользования или распределении платежей. Кулаки обвиняли новосёлов в «захвате» земель, они выступали на крестьянских сходах с ложными заявлениями об увеличении платежей в связи с ростом числа новосёлов. Под влиянием кулацкой агитации старожилы выносили приговор о непредоставлении квартир новосёлам в селе и тотчас выбрасывали их на улицу. В собственных домах переселенцев ломались печи, окна, двери. Земли, запаханные переселенцами с разрешения общества, или купленные ими у кулаков, отбирались, инвентарь уничтожался. Такой же участии подвергались переселенцы в новых посёлках.

Жуткую картину представлял погром, особенно зимой или осенью. Пока старожилы «хозяйничали» в переселенческом посёлке, его жители, не будучи в состоянии оказать какое-либо сопротивление громилам, вынуждены были наблюдать, как гибнут созданные тяжёлым трудом и лишениями хозяйства.

В этих случаях кулаки действовали в целях экономического закабаления переселенцев, а крестьянские начальники, полиция, чиновники горного округа руководствовались принципом «разделяй и властвуй».

Старожилы из бедняков и середняков, принимавшие участие в таких погромах, тем самым выражали своё недовольство условиями жизни, сложившимися после 1861 года. Неграмотная, несознательная масса иногда поддавалась уговорам кулаков, натравливавших бедноту на переселенцев.

Дореволюционные историки изображали Сибирь, в частности Алтай, как край свободных земельных просторов. На чём же основывалась легенда о «просторах» Алтая? Она опиралась на официальные данные о количестве земель, находящихся в землепользовании крестьян.

Сравним данные управления Алтайского горного округа по некоторым волостям с данными этнографа Сущинского, изучавшего положение в этих же волостях в одно время с чиновниками округа.

По данным Алтайского округа, в среднем на один крестьянский двор приходилось земли: в Кривошёковской волости — 55 десятин, в Ояшинской — 112,5 десятины.

А по данным Сущинского, в этих волостях от 3,5 до 7 процентов крестьянских хозяйств запахивало только по одной десятине на хозяйство, 19,5 — 24 процента хозяйств —

от одной до пяти десятин, 52 процента хозяйств — от пяти до пятнадцати десятин на хозяйство.

Правда, кулацкие хозяйства имели запашку до 100 десятин земли, но они составляли не более 4 процентов от всех крестьянских хозяйств округа, занятых земледелием.

Управление Алтайского округа не утруждало себя проверкою, сколько земли используют крестьяне фактически, а делило площадь земли в данной волости на число живущих в ней крестьянских семей. Результат такого деления и давал повод для заключения о благополучной жизни населения и для его обложения соответствующими налогами.

В каждой волости были земельные наделы, находящиеся в аренде, так называемые «свободные» земли, леса, озёра, выгоны и болота. Легенда о «просторах» Алтая легко рассеивалась при детальном исследовании фактических размеров крестьянских запашек, однако редкие исследователи утруждали себя кропотливой проверкой действительного положения. Чаще всего они принимали на веру «официальные данные», то-есть отчёты Управления Алтайским округом.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АЛТАЯ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Как указывалось выше, крепостные мастеровые алтайских заводов получили «свободу» без земли. Сразу же после реформы с заводов и рудников ушло много мастеровых, особенно из числа завербованных по рекрутским наборам 1850—1860 гг. Не потеряв ещё связи со своими бывшими общинами, такие мастеровые вернулись в деревню. Частично выбыли и мастеровые, прослужившие на рудниках и заводах более длительный срок.

В горнозаводских волостях, образованных из горнозаводских посёлков, начались массовые «беспорядки». Мастеровые не подчинялись распоряжениям начальства, совершали нападения на мастеров, инженеров и чиновников. Во время неурожаев 1864—1868 гг. имели место вооружённые налёты на хлебные амбары заводов и рудников, на торговцев и чиновников. Те мастеровые, которые ушли в деревни, также начинали активное сопротивление «новым» порядкам, считая, что царский манифест освободил их от платежей и повинностей.

В конце 1861 года в Алтайском горном округе произошло восстание в Берской волости, которое дореволюционные историки назвали «Берским бунтом». Центром восстания была горнозаводская община, в которой жили бывшие мастеровые Сузунского завода. Поводом к восстанию послужило требование Алтайского горного округа возместить все недоимки, которые

накопились за крестьянами ещё в период барщинных работ. В этом селе оказалось много мастеровых, бросивших работу на заводе. Под их влиянием, крестьяне отказались выполнять требование Кабинета и выгнали чиновников. Вызванная из Барнаула военная команда, встретив сопротивление крестьян, открыла стрельбу, в результате которой было убито много крестьян и мастеровых. «Берский бунт» был подавлен, многие участники восстания были жестоко наказаны.

Протест мастеровых, получивших после реформы название горнозаводских обывателей, против кабальных порядков, установленных в ходе реформы, выражался в невыходах на работу. Заключив договор с заводской или рудничной администрацией и получив задаток, мастеровые не являлись на работу. Имели место и массовые выезды мастеровых из горнозаводских волостей.

Один из чиновников Томского губернского управления по крестьянским делам, связанный с крестьянскими начальниками горнозаводских волостей Алтайского горного округа, рассказывает: «Понимая свободу по-своему, общества мастеровых... всякое распоряжение правительства, как, например, обывательская гоньба, взнос податей, введение уставных грамот, поправка дорог и т. п., встречают с недоверием и ропотом. И если бы волостной суд, постигший в совершенстве натуру мастерового, и в особенности их прежние привычки, не поступал с ними решительно и энергично, то все условия с заводским ведомством на работы... были бы непременно нарушены»¹.

Мастеровые после реформы также стали временнообязанными, но от бывших барщинных крестьян они отличались тем, что за право пользования прежними земельными наделами они должны были работать на заводах и рудниках, то-есть отбывать барщину.

Следовательно, горнозаводская барщина сохранилась в царском поместье. Правда, она несколько отличалась от дореформенной. Так, мастеровых, в отличие от бывших барщинных крестьян, не гнали на работы за сотни вёрст от дома, работа мастеровых оплачивалась по «соглашению» с управлением завода. Но само существо барщины не изменилось. На барщину бывшего мастерового гнали не только нужда, не только необходимость платить подати. Его гнали на работу суд и полиция, старшины и крестьянские начальники, в кабале у Кабинета мастеровых держала земля, пользоваться которой они могли лишь при условии выполнения горнозаводских работ.

В 1868 году было утверждено новое положение о мастеро-

¹ Исторический архив краевого музея, опись 1, дело 7, лист 12.

вых, предоставляющее им некоторые «льготы». «Всех мастеровых, составляющих отдельные горнозаводские общины, освободить на 6 лет от всех государственных податей, земских, денежных повинностей и от повинности рекрутской, считая срок последней с 1863 года... В случае закрытия заводов, мастеровым заводов Кабинета... предоставить надел из земель за оброк 40 коп. за десятину. В случае недостатка заводского земельного надела, мастеровым предоставляется право переселения на кабинетские земли».

Эти «льготы» являлись попыткой смягчить недовольство мастеровых послереформенным положением.

Крестьянская реформа ускорила развитие капитализма на Алтае. Переселенческое движение подготовило на Алтае резервную армию пролетариата из безземельных крестьян-переселенцев, «водворённых» в округ, но не «причисленных» к нему.

В 1865 году Александр II подписал указ о разрешении сдавать в аренду землю, не занятую крестьянами, частным заводчикам для строительства заводов и фабрик.

Арендная политика Кабинета была новой формой получения земельной ренты. Земельные участки, которые сдавались в аренду Кабинетом, носили в Алтайском округе название «оброчных статей».

Арендная плата за землю вначале была небольшой. Заводчик платил по 40 копеек за десятину в год. Низкая арендная плата была вызвана стремлением Кабинета привлечь частный капитал в имение царя. Значительно большими были размеры отчислений с выработки горных заводов, которые также поступали в доход Кабинета.

Всё же Кабинет сохранил до конца XIX века ряд ограничений, тормозивших развитие промышленности на Алтае. Стремясь сохранить за собою монополию в горнозаводской промышленности, Кабинет оставил в силе ту часть закона 1828 года, которая запрещала на территории имения строить заводы и фабрики, «требующие огненного действия».

Впоследствии это ограничение было несколько смягчено. Так, в 1865 году было разрешено на территории Алтайского округа строить крупчатные, стекольные, салотопенные, мыловаренные и лесопильные заводы, но только там, где не вели заготовку леса и угля для царских заводов. Это ограничение предоставляло предпринимателям право строить предприятия в малонаселённых местностях. С теми же ограничениями было разрешено строительство кирпичных заводов в 1870 году, гончарных — в 1893 году, а metallurgических только в начале XX века. Частное винокурение разрешалось только при том

условии, если винокуренные заводы будут применять в качестве топлива каменный уголь.

Эти ограничения стесняли развитие крупной промышленности на Алтае, открывая путь лишь для мелкой полукустарной и кустарной промышленности. Среди крестьян были специалисты — пимокаты, кузнецы, шубники, деревообделочники. Они работали для удовлетворения потребностей своего хозяйства.

С проникновением капитала такие специалисты попадали в зависимость к промышленникам и торговцам и становились кустарями-надомниками. Многие из переселенцев, лишённых возможности заниматься земледелием, превратились в ремесленников, работающих на скопщика.

С течением времени кустари становились рабочими, занятymi в предприятиях, принадлежащих предпринимателям. Так было с пимокатами и овчинниками Барнаула, кузнецами Павловска, ткачами в районе Бийска. Здесь кустари-надомники превратились в рабочих мелких мастерских и заводов.

Стеснительные условия для развития промышленности на Алтае обусловили её полукустарный характер. Промышленники неохотно строили предприятия на землях, сдаваемых в аренду Кабинетом. Значительно удобнее было открывать предприятие на территории села или вблизи него. Во-первых, в этом случае промышленник получал более дешёвое сырьё, чаще всего полуфабрикат из продукции крестьянских хозяйств, во-вторых, в селе легче было найти рабочую силу из переселенцев, не имевших земли, в-третьих, промышленник мог сбывать свою продукцию жителям того же села.

Однако строить предприятия на земле, находящейся в пользовании крестьян, было значительно труднее из-за ряда ограничений. Первоначально предприниматели свободно договаривались с крестьянами о постройке в их сёлах мельниц, кузниц, столярных мастерских и других предприятий. Крестьяне за предоставление земли брали небольшую плату и выговаривали ряд льгот для членов общины.

Вскоре на такие предприятия предъявил притязания Алтайский горный округ. Их владельцев обязали платить аренду Кабинету.

Предприниматели не могли не подчиниться этому требованию, но, не желая платить и Кабинету, и крестьянской общине, они отказывались от выполнения договора с крестьянами. Это вызывало столкновения между предпринимателями и крестьянами. Примером таких столкновений служат события в д. Жилиной (в районе Барнаула).

Крестьяне этой деревни заключили договор на постройку на их земле мельницы. Когда управление Алтайского округа потребовало от владельца мельницы уплаты аренды, тот, в свою очередь, отказался выполнять договор с крестьянами. После ряда стычек между крестьянами и владельцем мельницы, крестьяне сожгли мельницу и вынесли решение о запрещении восстанавливать её на их земле. Владелец мельницы обратился с жалобой в управление Алтайского округа. Для разбора жалобы в село выехал прокурор с военной командой. Он признал действия крестьян «незаконными» и потребовал, чтобы мельница была восстановлена.

Частые столкновения крестьян с предпринимателями побудили управление Алтайского округа обратиться в Кабинет за разъяснением. Кабинет ответил, что «крестьянам, проживающим в Алтайском горном округе, согласно указа 8 марта 1861 года, предоставлены только те права на землю, которыми они пользовались до 1861 года».

Согласно этому разъяснению, крестьяне имели право пахать землю, пасти на ней скот, получать по установленной норме лес на свои нужды, но не имели права сдавать в аренду землю, являющуюся собственностью царского имения. Кабинет разъяснил, что крестьяне не могут отдавать своих земель не членам их общин.

Такое разъяснение было равносильно запрещению строительства каких-либо предприятий в сёлах и вообще в зоне крестьянского землепользования. Длительное время сохранялось в силе это правило, стесняющее развитие промышленности на Алтае. В обход его торговцы и предприниматели увеличивали число надомников. Такая практика не приносила доходов Кабинету, и в конце XIX столетия он изменил свою политику в отношении аренды крестьянских земель промышленниками и торговцами.

В 1881 году Кабинет разрешил крестьянам сдавать свои земли в аренду лицам, не принадлежащим к общине. Для этого общество должно было составить приговор с указанием, что оно отказывается пользоваться данным участком земли и передаёт его в аренду. Крестьяне не знали, что такая формула приговора лишает их права на землю, которая переходит в разряд «свободных» земель Кабинета. Арендная плата, которую устанавливали крестьяне в своих приговорах, должна была уплачиваться Кабинету.

Нуждаясь в мельницах, кузницах и других предприятиях, крестьяне вынуждены были составлять такие приговоры. Так царь одновременно и получал аренду с предпринимателей и

увеличивал свой земельный фонд за счёт сокращения крестьянского землепользования.

Таким образом, все законы о крестьянском землепользовании, изданные до 1899 года, сводились к тому, чтобы увеличить доходы имения за счёт земельной ренты, повышающейся различными путями — сокращением крестьянского землепользования, увеличением числа временнообязанных крестьян, захватом государственных земель, сдачей земли в аренду.

Выросшая из кустарных промыслов, частная промышленность во второй половине XIX столетия состояла из мелких предприятий. По переписи 1896 года, в Алтайском горном округе действовало 375 частных предприятий, на которых было занято немногим более 1.000 рабочих, то-есть в среднем по 3 рабочих на каждом предприятии. На заводах, считавшихся крупными, как, например, содовый в Барнауле (Пранг) и стекольный в районе Бийска (Платонова), летом число рабочих не превышало 30—65 человек. А вместе со всеми кустарями, промышленность насчитывала 810 предприятий, на которых было занято всего 2147 рабочих. Большинство этих предприятий закрывалось на летний период и носило сезонный характер. В летнее время сокращалось также число рабочих и на действующих предприятиях.

Все предприятия имели примитивное техническое оборудование. Паровые машины и водоналивные колёса встречались только на крупичатых мельницах.

Условия труда на частных заводах Алтайского округа были крайне тяжёлыми. Письменных договоров обычно хозяин с рабочими не заключал. На тех предприятиях, где имелись письменные договоры, в них вносились такие пункты: «Заметивший ошибку при получке должен через сутки заявить о том в контору. Пропустивший этот срок теряет право на оспаривание допущенной ошибки». В договорах были определены размеры штрафов. За грубость хозяину или его доверенному лицу, помимо суда, рабочий платил штраф в размере 1—2 рублей.

12—14-часовой рабочий день был самым коротким на частных предприятиях Алтая. Овчинники работали по 16—17 часов; от 20 до 40 часов подряд находились у печей варщики стекла на заводе Платонова. На крупичатых мельницах изобрели работу в «три» смены, по 8 часов, а рабочие делились на две смены. Обе смены сменяли друг друга через каждые 8 часов, и потому рабочие не могли ни отдохнуть, ни сделать что-либо для себя.

Заводской инспектор Алтайского округа Швецов оставил яркие материалы об условиях труда на содовом заводе Пранг в Барнауле.

«Мне не раз случалось быть на заводе вечером, — рассказывает Швецов. — Войдя в щёлочное отделение, я был окутан клубами холодного пара, такого густого, что на поларшине нельзя было разглядеть решительно ничего; слышалось журчание воды, действие насоса; где-то под ногами, в стороне, светился огонь, исходящий из печных топок.

Без посторонней помощи решительно нельзя было ступить шагу, не рискуя провалиться куда-нибудь в котёл или толку. Переход в другое отделение представлял большое затруднение: приходилось ити «на голос» человека, шедшего только на шаг впереди и, несмотря на это, совершенно невидимого, так что о самом присутствии его можно было догадываться лишь по звукам его шагов.

Нам приходилось спускаться то по каким-то узким лестницам без перил, то проходить между чанами, то подниматься вновь. Поминутно слышались предостережения «осторожно, внизу печь», «наклоните голову», «теперь идите смело», «осторожней, направо выварочный котёл — провалиться можно» и т. п. Во втором или третьем отделении пар не позволил определить, где мы и сколько прошли; меня остановили в полутора шагах от какой-то, как мне казалось, ямы в полу, откуда рабочий черпал ковшом расплавленную массу и наполнял железный сосуд. Яма эта — котёл — она ничем не отгорожена, и право же, в ней нетрудно провалиться».¹

Завод Пранга находился в устье р. Пивоварки. Сказать, что он был хуже других частных заводов, нельзя, так как в сравнении с ним тот же инспектор Швецов условия труда на стекольном заводе Платонова назвал «адом».

Рабочие частных предприятий жили в бараках, лишенных элементарных удобств, либо непосредственно в цехах, как, например, на стекольном заводе Платонова и на кожевенном заводе в Барнауле. Продукты питания они вынуждены были покупать в хозяйственных лавках.

Рабочие получали мизерную оплату. Кожевники зарабатывали летом 25 коп., зимой — 40 коп. в день. На заводе Пранга летом платили 60 коп., зимой — 40 коп. Считая зимний сезон в 150 дней, выходит, что за сезон рабочий не мог заработать более 60 рублей. Из них 6 рублей шло на уплату оброка царю, 3,5 рубля казне в виде подати (в 1898 году подати в

¹ Швецов, «Положение труда на частных заводах Алтайского округа», 1897 г., стр. 152.

казну были повышены), 4 руб. 50 коп. на «мирские платежи», до 30 рублей шло в хозяйствий карман за питание, квартиру, на штрафы. Итак, около 44 рублей шло на «расходы» самого рабочего, и только 16 рублей оставалось у него на содержание семьи.

Рабочие частных заводов Алтайского горного округа в своём большинстве являлись переселенцами, «водворёнными» в округ, но не причисленными к нему, ибо при таких заработках переселенец не мог накопить денег на оплату «приговора».

В конце XIX столетия в Барнауле работали всего две городских начальных школы, открытых «Обществом о попечении о народном образовании». Это же общество открыло воскресную школу для рабочих и библиотеку в Народном доме, построенном из развалин бывшей заводской тюрьмы. В офицерском собрании устраивались иногда спектакли и вечера, но они были ограничены нормой — не более 4-х в год, да и то с тем, чтобы «простой народ» на эти спектакли не допускался.

На рудниках и заводах действовали горнозаводские школы, работавшие по дореформенной программе. Таким образом, крестьяне и рабочие в массе своей оставались неграмотными. В то же время росло число церквей, кабаков и винных лавок, которые отуманивали сознание народа.

Купцы, промышленники, миссионеры, царские чиновники использовали богатства алтайских недр, лесных угодий, земли. В эпоху крепостничества Кабинет портил рудные месторождения, поднимая на поверхность только богатые руды, а менее богатые спуская на отвалы и на закладку старых выработок. Ценные породы леса хищнически уничтожались для выжига угля.

Беспорядочная вырубка леса привела к обмелению рек, засорению водоёмов, истощению земель. Кабинет считал нормальным эти варварские приёмы ведения хозяйства.

ЗЕМЛЕУСТРОИСТВО НА АЛТАЕ

Новый период в развитии Алтайского округа наступил в 1899 году, когда началось землеустройство царского имения.

Закон 8 марта 1861 года установил, что «впредь до приведения в известность и разграничения земель Алтайского горного округа» крестьяне и мастеровые Алтая должны были оставаться временнообязанными, платить за землепользование оброк или нести барщину на заводах и рудниках.

Под «приведением в известность земель Алтайского округа» подразумевалось определение земельной площади округа и разделение земель на удобные для ведения хозяйства и не-

удобные. Кабинет к началу реформы не имел точных данных о размерах земельной площади Алтая, и крестьяне должны были ждать, когда эти земли будут измерены и «приведены в известность».

Крестьяне могли рассчитывать на получение земельных наделов только в ходе межевания кабинетских и крестьянских земель.

Работы по измерению земельной площади округа начались в 1856 году. С этой целью была образована межевая экспедиция, в задачу которой входило также составление подробных карт имения. На расходы по измерению земель с крестьян и собирались «межевые сборы».

В 1880 году начальник Алтайского горного округа, характеризуя ход работ по измерению земель, писал: «Соображаясь с ранее снятою местностью и с количеством вёрст, снятых в лето 1880 года... можно ожидать окончания таковых работ через 69 лет... Расчёт этот сделан только лишь на местность заселённую, но на снятие всего Алтайского округа... за исключением снятой местности... потребуется времени, при настоящих средствах, до ста тридцати лет»¹.

Если сопоставить это заявление с разъяснением Кабинета Управлению Алтайского округа в 1872 году о том, что «приведение в известность заводских земель, составляя только предварительную работу надела крестьян землями, отнюдь не должно быть связано с самым наделом»², то отсюда можно видеть, на какой срок Кабинет хотел удержать установленный законом 8 марта 1861 года порядок.

Почему же Кабинету пришлось приступить к межеванию земель уже в 1899 году?

Уже в 1889 году выплавка серебра на Алтае упала до 770 пудов в год. Вместо миллионных доходов, горные заводы начали приносить миллионные убытки. В начале 90-х годов XIX века выплавка серебра в Алтайском горном округе упала до 300 пудов в год. Налицо был острый кризис горного дела. Уже в 1883 году встал вопрос о закрытии наиболее удалённых от рудников Барнаульского и Павловского заводов.

В 80-х годах Кабинет嘗試 переоборудовать заводы. Однако, затратив на эти цели более 2-х миллионов рублей, Кабинет не мог сделать заводы рентабельными. Они не выдерживали конкуренции с частными заводами Урала и других

¹ Исторический архив Алтайского краевого музея, опись 1, дело 64, лист 41.

² Там же.

районов России, ставших к тому времени крупными капиталистическими предприятиями.

В период с 1893 по 1897-й годы были закрыты все сереброплавильные заводы Алтая. В строю действующих предприятий остались только Гурьевский чугуноплавильный и железоделательный завод и Колыванская шлифовальная фабрика. Гурьевский завод стал работать на крестьянское хозяйство, реализуя свою продукцию на рынке, а Колыванская шлифовальная фабрика удовлетворяла потребности императорского двора, хотя и приносila попрежнему убыток.

90-е годы XIX века характеризуются усиленным железнодорожным строительством. Продажа земель железнодорожным компаниям приносila большие выгоды помещикам и крупным землевладельцам. Подобно остальным помещикам, царь принял участие в земельной спекуляции и, пользуясь своим положением главы государства, заставил государственное казначейство и другие министерства обеспечивать доходы своего алтайского имения ещё в больших размерах.

В конце XIX века усилился интерес царизма к Дальнему Востоку. Началось строительство железной дороги от Петербурга до Владивостока. Новая железная дорога проходила по северным районам царского имения и не случайно, что именно в это время Кабинет захватил Спасскую и Уртмановскую волости, Томской губернии, земли которых прилегали к трассе дороги.

Сибирская железная дорога вызвала рост промышленности и товарного хозяйства в деревне. Всё это повышало стоимость земель, продаже которых мешала существовавшая в Алтайском округе земельная неразбериха.

Николай II слишком медленно осуществлял в своём имении те мероприятия по завершению реформы, которые уже были проведены в европейской части России.

Начатое Николаем II в 1899 году «землеустройство» было фактически продажей земли Кабинетом государству, причём расплачиваться за эту землю пришлось крестьянам. Вместе с тем были расширены аренда земель, торговля лесом, приобретение новых земельных пространств за счёт уменьшения крестьянского землепользования.

В 1897 году вышел закон о наделении землёй горнозаводских обывателей (бывших мастеровых) в горнозаводских волостях. Этот закон был объявлен, как царская «милость» по случаю 150-летия со дня образования императорского поместья на Алтае. Конечно, это был только повод. Действительная причина издания закона заключалась в смене политики Кабинета.

Царская «милость» выразилась в этом законе в следующей редакции: «Всем горнозаводским людям, которые заявят о том желание, предоставляется право получить отводы земельных угодий, пахотных, сенокосных и выгонных, в количестве не свыше 15 десятин на каждую наличную душу мужского пола... сверх причитающихся им к отводу в собственность выгонных земель в количестве до 320 сажен на душу»¹.

Таким образом, бывшие мастеровые наделялись землёй в 1897 году не так, как в 1861 году бывшие барщинные крестьяне. Мастеровые получали право получить «отводы» земель, то-есть участки, точно определённые межами. Эти земли должны были выкупаться мастеровыми.

В законе не указывалась сумма выкупа, хотя и говорилось: «Плата за отводимые земли назначается на первые десять лет по 10 коп. с десятины»².

Характерно, что царь не стал наделять землёю «ревизские души», хотя и получал с «мёртвых душ» оброк, а также лишал права получать наделы тех, кто выбыл до 1897 года из состава общин.

После издания закона 1897 года мастеровые ещё два года ожидали «землеустройства». В этот период Управление Алтайского округа, называвшегося так после ликвидации заводов, не могло часто определять, какие земли находятся в пользовании крестьян и какие являются «свободными». Крестьяне, как переселенцы, так и старожилы, захватывали кабинетские земли, создавали на них новые посёлки, это усилило столкновения не только старожилов с новосёлами, но и тех и других с Управлением округа.

Ещё в 1869 году был издан указ о том, чтобы земли, захваченные крестьянами, считать арендованными. Указ обязывал крестьян платить за такие земли по 40 коп. с десятины в год. Но этот указ нельзя было провести в жизнь, так как решить вопрос о том, какая земля захвачена, а какая находилась в пользовании крестьян до 1861 года, практически было невозможно.

Среди крестьян росло недовольство существующим положением. Кулаки захватывали общинные земли. В общинах шла борьба между кулаками и беднотой. Бедняки требовали ежегодно передела земли по душам, кулаки были недовольны тем, что земля не является их собственностью.

¹ Исторический архив Алтайского краевого музея, опись 1, дело 10, лист 61.

² Там же.

Наконец, в 1906 году Николай II разъяснил смысл «землеустройства»: «Законом 31 мая 1899 года повелели мы произвести поземельное устройство водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета нашего крестьян и инородцев с передачею отведённых им земель в собственность казны за установленное законом вознаграждение».¹

Закон определил и «вознаграждение» за землю: «Земли, отходящие от Кабинета для крестьян, должны подлежать выкупу в течение 49 лет по 22 коп. за каждую десятину земли»².

Надел был определён в 15 десятин на душу. Следовательно, ежегодный взнос по выкупу составлял 3 руб. 30 коп. За внешним «облегчением» платежей для крестьян скрывался ряд новых источников дохода Кабинета. Крестьяне потеряли право на получение леса, отпускаемого им до того времени бесплатно из лесных дач имения, значительно сокращались наделы землепользования.

По закону 1899 года, землёй наделялись только причисленные к округу крестьяне, имевшие своё хозяйство. Безземельные крестьяне из водворённых, но непричисленных переселенцев не имели права на получение надела.

Основным показателем землеустройства являются темпы межевания наделов крестьянским общинам. Так как закон предусматривал равномерное наделение крестьян землёй, то темпы землестроительных работ можно установить по количеству крестьян, наделённых землёй в определённый период.

Первый из этих периодов, с 1899 года по 1901 год, характеризуется медленным нарастанием темпов межевания земель. Второй период, с 1902 года по 1907 год, наоборот, отличается затуханием межевых работ. Третий период, с 1908 года по 1913 год, отличается резким подъёмом темпов межевания. Это далеко не случайно, и может быть объяснено сменой политики Кабинета и изменением условий, в которых производились межевые работы.

На протяжении первого периода межевые работы производились в двух направлениях: межевались земли горнозаводских общин и земли в Томском уезде. Бывшие мастеровые, жившие в горнозаводских общинах, являлись наиболее активной частью населения, организованно выступавшей против мероприятий Кабинета. Чем скорее их наделяли землёй, тем скорее онисливались с массой крестьян. Кабинет был также заинтересован в быстром межевании земель в Томском уезде,

¹ Исторический архив краевого музея, опись 1, дело 9, лист 20—21.

² Там же, дело 62, лист 25.

где прокладывалась Сибирская железная дорога и где земли ценились очень дорого.

Из 43 горнозаводских селений в первый период, до 1901 года, межевание было проведено в тридцати девяти. В начале 1902 года межевание в горнозаводских волостях было закончено. 16142 бывших мастеровых, получив землю, стали крестьянами. В имении царя перестало существовать сословие мастеровых (горнозаводских обывателей), той категории временно-обязанных, которая за землепользование выполняла барщинные работы на заводах и рудниках Кабинета.

Общинам горнозаводских обывателей было отведено около 265 тыс. десятин земли. Из дореформенного землепользования этих общин было отрезано свыше 14 тысяч десятин пашни, покосов, озёр, а также около 2,3 тысяч десятин лесов местного значения.

Земли, отрезанные от крестьян, стали новым источником доходов Кабинета, который сдавал их в аренду и продавал казне для «вдоворения» переселенцев. У крестьян Томского уезда отрезались участки, прилегающие к линии Сибирской железной дороги. Ряд таких участков Кабинет тогда же продал по баснословно высоким ценам. Так, земля в районе села Поломошенского была продана по 180 руб. за десятину, а каждую десятину земли, на которой строилась станция Обь (в районе нынешнего Новосибирска) Кабинет продавал по 7680 рублей. Естественно, что Кабинет спешил с межеванием земель, так как он продавал, главным образом, те земли, которые отрезались от бывшего крестьянского землепользования.

С 1902 года Кабинет приступил к межеванию земель в Бийском уезде. В состав этого уезда входили центральная, северо- и юго-восточные части горного Алтая. Здесь были почти незаселённые или слабо населённые русскими крестьянами речные долины и богатые пушниной леса. До 1899 года Кабинет ограничивался только сбором «ясака» с алтайцев. Закон 1899 года предлагал провести межевание земель «инородцев», т. е. алтайцев, казахов и вообще всего населения не русской национальности.

Земли алтайцев принадлежали Кабинету, но одновременно этими же землями распоряжались зайсаны — князья, которые держали трудовых алтайцев на положении крепостных. Зайсаны и бай верно служили царизму, и за ними, после отмены крепостничества, было сохранено прежнее правовое положение.

В пользовании алтайцев находилось много земель. Кабинет решил выделить на Алтае на каждую душу по 15 десятин, а всю остальную землю перевести в разряд «свободных». Об-

ласть горного Алтая давала Кабинету огромное количество земли и большие лесные массивы. Не удивительно, что именно в этой области межевание началось сразу же после размежевания Томского уезда.

Однако межевание земель в горной области представляло известные трудности. Неудобства технического порядка сочетались здесь с малой плотностью населения. Это было одной из причин снижения темпов межевания.

Однако только этим нельзя объяснить резкого падения темпов межевых работ в 1905—1906 гг. и полного их прекращения в 1907 году. Эти годы характеризуются ростом крестьянского движения, охватившего всю территорию Алтайского округа, это было время первой русской революции. Революционное движение охватило всю территорию округа.

9 (22) января 1905 года в Петербурге царское правительство расстреляло демонстрацию рабочих, направившихся с петицией к Николаю II. «Кровавое воскресенье» вызвало во всей стране волну демонстраций и забастовок.

18 января 1905 года в г. Томске, состоялась рабочая демонстрация, которой руководил С. М. Киров. Демонстрацию разогнали казаки и солдаты, стрелявшие в демонстрантов. Знаменосец демонстрации рабочий Кононов был убит. Похороны Кононова вылились в новую крупную демонстрацию. В листовке «В венок убитому товарищу», выпущенной томской социал-демократической организацией, говорилось: «Царскому правительству было мало кровавых башни в Петербурге, Москве, Риге и других городах. Двуглавый орёл не может утолить своей жажды: ему нужны новые жертвы».

Так начались революционные события в 1905 году в Томской губернии. Листовки томской социал-демократической организации распространялись по всему Алтайскому округу. Под руководством социал-демократической организации в Барнауле и Бийске были проведены забастовки водников, строителей и других рабочих. Особенно крупными были демонстрации в Барнауле, проходившие с 20 по 23 октября 1905 года. Во время этих демонстраций были выдвинуты лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой куцую конституцию!», «Да здравствует демократическая республика!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эти лозунги несли на своих знамёнах рабочие Барнаула.

В борьбе с революционным движением полиция и управление Алтайского округа опирались на «чёрную сотню», формированную из мелких торговцев, хозяев мелких кустарных мастерских и мещан. Черносотенцы, при содействии полиции, организовали в Барнауле избиение рабочих и революционеров.

Этот погром длился три дня — с 23 по 25 октября 1905 года.

Погром напугал временных попутчиков революции. Уже в 1905 году эти временные попутчики занялись провокациями — выдавали места тайных собраний, передавали полиции списки организаций. Так, в 1905 году полиция сразу получила списки рабочих, вступивших в боевые революционные дружины.

Предательство эсеров и меньшевиков, аресты большевиков привели в конце 1905 года к спаду революционного движения в округе. Однако большевики не прекращали своей работы в массах. Это показал ряд забастовок водников, имевших место в Барнауле в 1906 году.

Наряду с революционными событиями в городах, началось массовое движение в сёлах Алтайского округа. Наиболее сильным было движение крестьян в Павловском, Бийском, Змеиногорском и Салаирском имениях¹.

Крестьянское движение в 1905—1906 гг. выражалось, главным образом, в массовых порубках леса в дачах Кабинета. Крестьяне собирались целыми сёлами, выезжали в лесные дачи, рубили лес и вывозили его. Лесообъездчики, полиция, даже казачьи отряды не могли справиться с такими массовыми порубками. В ряде волостей наблюдались случаи захвата и запашки «свободных» земель.

Крестьяне повсеместно громили конторы «имений», лесные кордоны, конторы крестьянских начальников, волостные правления. Разгоняя чиновников и ставленников Кабинета, крестьяне рвали портреты царя и членов его семьи, выносили приговоры о прекращении уплаты податей и требовали применения к ним закона об отмене выкупных платежей за землю, изданного для помещичьих крестьян европейской части России в 1905 году и вступавшего в силу с 1907 года. Правда, последнее требование редко выставлялось крестьянами, так как в своём большинстве они ещё не получили земельных участков.

Движение крестьян Алтайского округа показало их недовольство реформою. При всей массовости, крестьянское движение было плохо организовано. Не только в округе, но даже в волостях не было единого руководящего центра. Разогнав крестьянских начальников, разгромив контору «имения», крестьяне не создавали вместо них новых органов управления. Волнения крестьян не переходили в вооружённые восстания. У крестьян не было специальных отрядов самообороны. Отдельные вооружённые столкновения между крестьянами и лесной стражей возникали стихийно.

¹ В начале XX века Алтайский округ был разделён на ряд «имений», которые объединялись Управлением Алтайского округа.

Крестьянскому движению в Алтайском округе противодействовала кулацкая часть деревни. Она создавала вооружённые отряды, помогавшие Управлению Алтайского округа бороться с самовольными порубками леса. Так, газета «Сибирская жизнь» в № 49, от 4 марта 1906 года, сообщала: «В Барнаульском и Бийском уездах организован летучий отряд в 200 человек, вооружённых берданками, для содействия полиции при обысках и секвестре леса, похищенного из дач Кабинета».

Ни казаки, ни полиция, ни войска не могли сделать того, что сделали вооружённые кулаки. Лесная стража и полиция боялись даже появляться в местах массовых порубок леса. Кулацкие отряды являлись, таким образом, главной вооружённой силой Кабинета.

Крестьяне в 1905—1907 гг. предупреждали арендаторов царской земли, чтобы они выезжали со своих участков, иначе их предприятия будут разгромлены, а конторы сожжены.

Продолжать межевание земель в таких условиях было немыслимо. Кабинет проводил «землеустройство», чтобы получить возможно больше «свободных» земель, а отнимать у крестьян землю означало усилить движение. Вот почему Кабинет прекратил межевые работы в 1907 году.

Межевание земель в горном Алтае вызвало недовольство алтайской верхушки. Зайсаны и бай были встревожены межеванием, так как с потерей земли они неминуемо должны были сократить скотоводство. Поэтому зайсаны неоднократно обращались к царю с просьбами отменить землеустройство. Но Кабинет, не обращая внимания на недовольство зайсанов, продолжал межевание. Межевые отряды всё глубже и глубже уходили в горы.

Отрезка земель зайсанов не задевала интересов трудового алтайского населения — охотников и мелких скотоводов.

Трудовые слои алтайского народа не пошли за баями и зайсанами, а, наоборот, принимали участие в крестьянском движении.

В 1907 году крестьянское движение в Алтайском округе пошло на убыль. Хотя самовольные порубки и не прекращались, но они уже не носили прежнего массового характера.

В 1907 году в Алтайский округ выехал управляющий Кабинетом Волков, чтобы навести «порядок» в деревне. Волков, прежде всего, реорганизовал лесную стражу в лесничествах, превратив её фактически во внутреннюю полицию. Лесная стража была пополнена кулаками иunter-офицерами запаса. Волков предложил форсировать продажу земель государству, главным образом, за счёт земель, отрезаемых от крестьян.

Закон о разрешении крестьянам переселяться в Сибирь, изданный в 1905 году, вызвал огромную волну переселенцев. Этот закон имел целью уменьшить малоземелье бывших помещичьих крестьян путём их устройства на новых местах. Но Кабинет не упустил из виду и личные интересы царя. В 1906 году Николай II подписал указ «О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков». Это была обычная сделка по продаже земли казне, подписанная только самим землевладельцем.

О размерах этой продажи можно судить по тексту указа: «Все незаселённые, но пригодные к заселению земли Алтайского округа передаются, по мере образования на них переселенческих участков, в собственность казны и поступают в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для возвращения переселенцев. Права на недра означенных земель сохраняются за Кабинетом...

В переселенческие участки обращаются: а) свободные земли, б) оброчные статьи, по мере прекращения на них договоров и в) земельные излишки, остающиеся за Кабинетом от поzemельного устройства старожилов.

...«За переданные в казну кабинетские земли Алтайского округа государственное казначейство обязано уплачивать Кабинету вознаграждение в размере двадцати двух копеек с десятины удобной земли, в течение 49 лет».¹

Таким образом, освободив крестьян от выплаты выкупных платежей и разрешив им переселяться на «вольные» земли Сибири, Николай II обязал казначейство выплачивать ему за земли, предоставляемые переселенцам на территории округа. В свою очередь казначейство перекладывало эти платежи на крестьян, переселявшихся в Алтайский округ. Таким образом, крестьянин либо должен был страдать от малоземелья, либо, переселяясь на «просторы» Алтая, должен был выплачивать выкупные платежи, от которых он был «освобождён» правительством.

Продажа кабинетских земель казне потребовала ускорения темпов межевания. В 1908 году в округе было наделено землёю 143463 человека, то есть значительно больше, чем за весь период с 1899 г. по 1901 год. Темпы межевания не снижались и в последующие годы, так как Кабинет нуждался в земельных отрезках от старожильческих общин для продажи их казне.

¹ Исторический архив краевого музея, опись I, дело 10, лист 20—21.

В 1910 году в Алтайский округ приехал Столыпин, автор пресловутой «реформы», направленной на укрепление кулачества и превращение кулаков в крупных землевладельцев. Несколько раньше Столыпина на Алтай прибыл новый начальник округа — Михайлов, «исследовавший» состояние землеустройства и положение алтайского населения.

Михайлов представил Столыпину доклад о «Положении колонизационного дела в Алтайском округе».

В докладе было отмечено, что за период с 1907 по 1909 год в Алтайский округ переселилось 750000 человек (40 процентов всех крестьян, переселившихся в Сибирь за те же годы). Из этого числа на участках, предоставленных казнью, поселилось только 167415 душ. Остальные переселенцы оказались без всяких средств к существованию. Эти переселенцы начали самовольные порубки кабинетских лесов.

«При таком положении, — указывал Михайлов, — Алтайский округ, отдавший за ничтожную сравнительно цену свои лучшие земли под переселенцев, теряет ныне и леса и переживает в своём хозяйстве острый кризис, причиняющий неисчислимые убытки».¹

Михайлов отмечал, что если положение не изменится, Кабинет вскоре лишится прежних доходов, так как отрезков получить больше «почти негде».

Он предложил изменить указ 1906 года. В 1911 году вышел «новый» указ с прежним названием. В новом указе был изменён только один пункт — повышалась цена за землю, проданную казне.

Михайлов решил приступить к землеустройству в горном Алтае. Он указывал, что для колонизации горного Алтая нужен крепкий хозяин-кулак. «Землеустройство» алтайцев было начато в 1911 году. Зайсаны и байи, не договорившись с царём, нашли иные пути, чтобы сохранить часть своих земель. За взятки землеустроители показывали на картах участки баев и зайсанов, как «камень и скалы».

После горного Алтая землеустроители переехали в Кузнецкое имение и в 1913 году закончили свою работу. Однако окончание межевых работ не означало ещё конца землеустройства. Многочисленные формальности задерживали утверждение земельных наделов.

Крестьянин вступал во владение своим наделом только через три месяца после того, как землеустроитель и староста объявляли общине о результатах межевания. Жалобы крестьян по вопросам землеустройства рассматривало губернское уп-

равление. Если жалобщик оставался недовольным решением правления, он мог обратиться в Сенат, решение которого являлось окончательным.

Так как в 1913 году в Сенате скопилось много крестьянских жалоб, то землеустройство на Алтае считали не законченным. Лишь в 1915 году закончилось размежевание царских земель с крестьянскими. Земля была продана казне, и крестьяне должны были платить 49 лет выкупные платежи. Таким образом, начатая в 1861 году крестьянская реформа в имении царя оказалась незавершённой даже в 1917 году.

Подводя итоги землеустроительным работам, начальник Алтайского округа писал в отчёте за 1915 год: «Из бывшего землепользования населения... оставлено в распоряжении округа земель 1.717.817,13 десятин, но, в то же время, взято из округа на прирезки 363.962,12 дес., так что от землеустройства осталось округу 1.353.855,01 дес.»¹

Сведения начальника округа значительно преуменьшают количество земли, отрезанной от крестьян. Только у алтайцев было отрезано свыше 6.000.000 десятин. А сколько было отрезано земель в Кулундинской степи у казахов, если вся степь покрылась сетью участков, отведённых для переселенцев?

Лучшие земли округа оказались у Кабинета. Лес, солёные озёра также стали собственностью Кабинета. Крестьяне, эксплуатировавшие раньше леса, озёра, реки, теперь должны были платить Кабинету за право пользования лесными угодиями и озёрами.

В 1911 году были обследованы 555 посёлков, образованных на арендных участках. Значительное число крестьян, живущих в этих посёлках, имело не более 5 десятин земли на душу.

Отчёт начальника округа за 1915 год отмечает, что крестьяне Барнаульского, Змеиногорского и Бийского уездов арендовали землю у Кабинета. Причинами аренды в Барнаульском уезде отчёт признавал «только что проведённое землеустройство», в Змеиногорском — «малоземелье», в Бийском — «недостаток мест для пастбищ».

Но и малоземелье, и недостаток мест для пастбищ — всё это являлось следствием «землеустройства», проведённого так, что к имению отошли лучшие крестьянские земли.

Если до землеустройства крестьяне получали бесплатно некоторое количество леса для своих нужд, то после землеустройства они лишились и этой незначительной льготы. Сдача в аренду лесов и продажа лесоматериалов давала большой

¹ Исторический архив краевого музея, опись 1, дело 62, лист 27.

доход Кабинету, особенно в 1913—1916 гг., после окончания «землеустройства».

Право собственности Кабинета на недра давало ему возможность в любое время вернуть и обратить в разряд «свободных» любой земельный участок. Начальник Алтайского округа Розанов издал в 1904 году распоряжение, показывающее, как Кабинет трактовал это право.

«Кабинет должен быть полным хозяином недр, и этот принцип необходимо провести в жизнь и укоренить в сознании населения, строго воспрещать крестьянам самовольное пользование недрами в каком бы то ни было виде. Но, дабы не стеснять население, следовало бы поручить помощникам управляющими имениями каждому в своём участке отвести в крестьянских наделах места, с которых крестьяне могут бесплатно пользоваться песком, глиною и камнем для собственных надобностей».

Розанов пояснял, далее, что добыча крестьянами песка, глины и камня для продажи может допускаться только по разрешению управляющих имениями. Крестьянин не мог рубить лес, который был «кабинетским», пользоваться озёрами и реками, которые были «кабинетскими», пользоваться песком, глиною и камнем.

По отчётом Управления Алтайским округом, доход от имения в период 1908—1913 гг. выражался в следующих суммах: оброк, т. е. плата за землепользование в уездах, где не прошло землеустройство, составлял ежегодно 2.000.000 рублей. Даже в 1911—1914 годах Кабинет получал в виде недоимок по оброку около 1,5 миллиона рублей. Доход от продажи леса в 1913 году составил 2.719.113 рублей, выкупные платежи крестьян, а также коммерческие операции дали в 1913 году 1.190.435 рублей.

Отчёты не показывают других источников дохода. Однако, немалый доход приносил «межевой сбор», который крестьяне платили с 1856 года. Расходы Кабинета на межевание сводились к оплате жалования инженерам и техникам. Квартиры землестроителей, переезд землестроительных партий из одного уезда в другой и из одного села в другое — всё это обеспечивали крестьяне натурой без оплаты.

Крестьянское общество предоставляло бесплатно столбы для межевания, верховых лошадей для землестроителей, выделяло рабочую силу в помощь землестроительным отрядам. Помимо этого, крестьяне отчисляли средства на расходы по землеустройству, независимо от того, проходило ли оно в данном селе, было ли закончено или вообще ещё не начиналось.

Казна, выплачивая царю установленные законом платежи, выколачивала их из крестьян и брала с них поземельный оброк. Крестьяне выплачивали «мирские подати». Сюда надо было добавить расходы на содержание церквей и монастырей, на взятки чиновникам, землемерам, полиции, суду, крестьянским начальникам. Часто кулаки, промышленники и торговцы «выручали» крестьян, платя за них все эти суммы за проценты или за отработку на полях.

Своё недовольство крестьяне выражали самовольными порубками леса, не прекращавшимися до 1917 года. Кроме того, в предреволюционные годы в ряде сёл Барнаульского и других имений имели место вооружённые крестьянские восстания.

В 1911 году крестьяне Павловского имения, разгромив дома управляющего имением, полицейского урядника и лесообъездчиков, разрушили шесть кордонов лесной стражи, выпустили задержанный скот, уничтожили десятки тысяч протоколов о самовольной порубке леса, порвали портреты царя и членов его семьи. Вооружённые охотничими ружьями, восставшие крестьяне оказали упорное сопротивление роте солдат и конной полиции, высланным из Барнаула. Восстание было подавлено, а многие из его участников были посажены в тюрьмы. Новое вооружённое восстание в Павловском имении произошло в 1913 году.

Эти восстания, а также выступления крестьян против полиции и чиновников, происходившие в ряде сёл округа, свидетельствуют о новом подъёме крестьянского движения. Оно выражало недовольство крестьян порядками, установленными в царском имении после 1907 года.

ЦАРСКОЕ ИМЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ещё задолго до начала первой мировой войны в Алтайском округе появились иностранные концессионеры. В 1905 году Кабинет сдал в аренду крупной капиталистической компании Турн-Таксис и Жанне Змеиногорскую группу рудников. В 1908 году эта компания получила в аренду Риддерский, Зыряновский, и другие рудники в бассейне р. Бухтармы. Все эти рудники были отданы концессионерам в аренду на 30 лет, до 1938 года.

Концессионеры обязаны были платить Кабинету не менее 50.000 руб. в год и вложить крупные средства в производство и горнорудную разведку. В 1914 году эти рудники перешли в аренду к английским капиталистам.

В 1911 году большая группа озёр Кулундинской степи была отдана в концессию компании Крюденер-Струве за ежегод-

ную плату в 60.000 рублей. Английские капиталисты получили в концессию добычу каменного угля и железа в районе Кузнецка.

Во всех договорах предусматривалось, что кроме арендной платы, концессионеры обязуются технически оснастить производство.

Однако концессионеры и не думали о переоборудовании рудников и заводов. Они продолжали ту же хищническую эксплоатацию недр, какую вёл раньше Кабинет.

В 1915 году началось движение по вновь проложенной железной дороге от Новониколаевска (ныне Новосибирск) до Семипалатинска и Бийска. Дорога связала Алтайский округ с европейской частью России и дала возможность вывозить товары на внутренний и международный рынки. Но железная дорога, пройдя мимо центров горнорудного производства Алтая, не способствовала росту крупной промышленности.

Промышленники, арендовавшие земли царского имения, вместо развития горного производства, на что надеялся Кабинет, занялись спекуляцией арендными участками. Так, золотопромышленники заключили арендные договоры на разработку золота, а вместо того делили свои участки и сдавали их в аренду старательским артелям, беря на себя снабжение старательей продуктами. На этой операции они наживали большие барыши.

Землеустройство принесло большие выгоды кулакам. В Алтайском округе они превратились в крупных капиталистических предпринимателей. Кулацкая «кооперация» завязала связи с внешним и внутренним рынками, став поставщиком масла, сыра, мяса, шерсти и других сельскохозяйственных продуктов.

Война 1914—1917 гг. резко ухудшила положение крестьян. Десятки тысяч крестьянских семей лишились основной рабочей силы — мужчин, ушедших на фронт. В это же время кулачи, торговцы, Кабинет наживались на поставке для армии продуктов питания.

Дореволюционный Алтай, в результате политики императорского Кабинета, представлял собою один из наиболее отсталых в культурном отношении районов России. В городах насчитывалось несколько средних учебных заведений, куда был закрыт доступ рабочих и крестьян. Для них существовали церковно-приходские школы и одноклассные училища, в которых детей учили начаткам грамоты.

В годы первой мировой войны в Алтайский округ было направлено много шахтёров и металлургов для работы на предприятиях «Копикуза» — компании, арендовавшей у Кабинета каменоугольные и железорудные месторождения в Салаир-

ских горах, возле Кузнецка. Многие из этих рабочих принимали участие в революционном движении в Донбассе и на Урале. Они не прекратили революционной борьбы на Алтае. Большевистские организации в Алтайском округе пополняли свои ряды за счёт этой группы рабочих.

ЛИКВИДАЦИЯ ЦАРСКОГО ИМЕНИЯ

Получив информацию о свержении царя, Управление Алтайского округа, военное ведомство и полиция объединились для борьбы с революцией.

В начале марта 1917 года эсеры и кадеты, имевшие влияние в «кооперативных» организациях маслоделов, состоявших, главным образом, из кулаков, совместно с Барнаульской городской думой организовали так называемый «Комитет общественного порядка». Этот «Комитет» заявил, что им взята власть в округе. 8 марта 1917 г. в Барнауле было создано совещание представителей «кооперации», которое его организаторы назвали «первым свободным собранием в Барнауле».

На собрании выступил с программной речью представитель «Комитета общественного порядка» Казанский, призывавший не допускать «нарушений порядка», воздерживаться от «отдельных выступлений против кого бы то ни было». Иными словами, «Комитет» ратовал за сохранение в неприкосновенности старых порядков, за охрану владений Кабинета.

«Комитет общественного порядка» не отменил власти крестьянских начальников и старшин, которые продолжали управлять крестьянами. Не было упразднено и Управление Алтайским округом. Остались в силе все платежи и повинности крестьян. Порядки, установленные Кабинетом, и после февральской революции сохранились в неприкосновенности.

Рабочие и солдаты Барнаула создали Совет рабочих и солдатских депутатов. Правда, большинство депутатов являлось сторонниками эсеров, анархистов и меньшевиков. Естественно, что такой Совет не мог противопоставить себя эсерам и кадетам, руководившим «Комитетом общественного порядка».

Положение, сложившееся в округе после февральской революции, не удовлетворяло ни рабочих, ни трудовое крестьянство. Они ничего не выиграли от свержения царизма. Алтайский округ уже не являлся собственностью царя, но порядки, установленные царизмом, оставались в силе.

Заводчики, кулаки, торговцы, наоборот, получили большую выгоду. Их права на арендные участки сохранились, а в отсутствии хозяина можно было повременить с уплатой аренды. Управление Алтайского округа поступило под контроль буржуазного временного правительства.

3 (16) апреля 1917 года в Россию вернулся В. И. Ленин. При встрече с рабочими Петрограда на Финляндском вокзале он выступил с речью, закончив её лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!». На другой день после приезда В. И. Ленин выступил с докладом о войне и революции на собрании большевиков. «Это были знаменитые Апрельские тезисы Ленина, давшие партии и пролетариату ясную революционную линию перехода от буржуазной революции к социалистической». (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 177).

24 апреля 1917 года открылась 7-я (Апрельская) конференция большевиков, на которой В. И. Ленин развил положения своих Апрельских тезисов. Ленин выдвинул лозунг: «Вся власть Советам!»

На Апрельской конференции делегатом от большевиков Алтая явился И. В. Присягин, организатор большевистского подполья в период столыпинской реакции. После возвращения И. В. Присягина в Барнаул, большевики окончательно размежевались с меньшевиками, перешедшими в лагерь контрреволюции. Началась борьба за большевизацию Советов на Алтае.

7 ноября 1917 года свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Вся власть перешла к Советам.

7 декабря 1917 года в Барнауле был образован Военно-Революционный комитет, приступивший к организации на местах Советов рабочих и крестьянских депутатов.

В декабре 1917 года уездный съезд Советов утвердил власть Советов в Барнаульском уезде, а в январе 1918 года Первый губернский съезд Советов, проходивший в Барнауле, провозгласил власть Советов на территории всей Алтайской губернии, образованной в 1917 году из Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и вновь созданных Славгородского и Каменского уездов.

Советское законодательство стало действовать в бывшем поместье царя. Утвержденный II Съездом Советов в 1917 году Декрет о земле гласил: «Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратская, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней». Так советская власть ликвидировала собственность царя на земли Алтая, существовавшую 170 лет.

Советская власть, установившаяся в Алтайской губернии, сразу же упразднила управление Алтайского округа, ликвидировала институт крестьянских начальников, старост и старшин, распустила лесную стражу и, тем самым, сломала дореволю-

ционный аппарат управления именем царя. На местах были избраны Советы рабочих и крестьянских депутатов, получившие всю полноту власти в решении местных вопросов.

В первый год существования Советов Высший Совет Народного Хозяйства РСФСР рассмотрел план развития экономики и культуры Алтая, который должен был осуществляться немедленно. Эта творческая созидаельная работа была прервана контрреволюционным переворотом в Сибири, который был совершен помещиками и капиталистами при поддержке Америки, Англии, Франции и Японии.

В мае 1918 года, по указке англо-французских империалистов, при поддержке внутренних сил контрреволюции, военно-пленные чехословаки начали борьбу против Советской власти. В Сибири, под защитой чехословацких штыков, пришло к власти контрреволюционное «правительство» кадетов, эсеров и меньшевиков во главе с Колчаком. Контрреволюция поставила задачу ликвидировать завоевания Октябрьской революции, восстановить капитализм и превратить Сибирь в плацдарм для борьбы с Советской республикой.

Революционные рабочие и крестьяне Алтайской губернии и шахтёры Кузбасса стремились отстоять власть Советов. Для её защиты они создали Красную Гвардию, выступившую против колчаковцев. Но перевес сил был на стороне белогвардейщины и Красная Гвардия вынуждена была отступить с боями. В трудных условиях совершили красногвардейцы поход по степям Кулунды и Алтайским горам, пробиваясь к Советской республике, на соединение с Красной Армией. Возглавлял этот поход П. Ф. Сухов.

Отряды П. Ф. Сухова после упорного боя вынуждены были оставить Барнаул в июне 1918 года. После длительного похода к линии Сибирской дороги по Кулундинской степи, убедившись, что дорога занята белогвардейцами до Урала, Сухов увёл отряды красногвардейцев в Алтайские горы. Там, из-за предательства местных кулаков, красногвардейский отряд был окружён контрреволюционерами и погиб в районе с. Тюнгур.

Поход Красной Гвардии по территории Алтайской губернии имел огромное значение для усиления борьбы за власть Советов. Вместе с отрядом отступали члены губкома РКП(б), а также много большевиков. По пути следования отряда они создавали подпольные большевистские организации и формировали отряды для борьбы против контрреволюции.

Колчак отменил Советы, как форму политической власти рабочих и крестьян, и объявил, что «национализированные советскими властями и захваченные предприятия... подлежат возвращению их прежним владельцам или правопреемникам»

(«Алтайские губернские известия», № 1, от 28 июня 1918 года). Одновременно в той же газете было объявлено: «Имения, расположенные на землях собственных и арендованных, передаются в заведывание прежних владельцев впредь до решения вопроса о земле Учредительным собранием».

Алтайский округ, как личное имение царя, должен был, следовательно, поступить в «заведывание» Николая II. Но Николай II уже находился под стражей. «Правопреемником» Николая II было Управление Алтайского округа, упразднённое Советской властью. Колчаковцы восстановили это управление и передали ему в заведывание всё хозяйство бывшего Алтайского округа.

В газете «Алтайские губернские известия» было объявлено, что временное сибирское правительство решило: «Восстановить упразднённое управление земледелия и государственных имуществ и управление Алтайского округа... восстановить упразднённые различными органами советской власти должности по лесному управлению, а также и институт лесной стражи». Так прежний аппарат управления имением был возвращён к «деятельности». Вместе с ним вернулись и все прежние порядки, которые были установлены в этом имении.

Колчаковский «комиссар» Алтайской губернии опубликовал в той же газете (№ 36, от 4 декабря 1918 года) следующее обязательное постановление: «...5. Восстановить в прежних границах все казённые лесные дачи, для чего возобновить силами виновных засыпанные и повреждённые канавы, убрать из пределов дач на свою границу поскотины, уплатить в кассу лесничества надлежащее взыскание.

6. Вернуть обратно всё движимое и недвижимое имущество, взятое населением со времени начала революции, а за утраченное или уничтоженное уплатить в кассу лесничества...

7. Немедленно прекратить самовольное пользование каким бы то ни было казённым имуществом и внести в кассу лесничества за пользование землями, лесами, домами и проч. причитающиеся платежи и недоимки».

Характерна концовка всех пунктов этого документа — «уплатить в кассу лесничества». Колчаковцы хотели превратить бывшее имение царя в свою финансовую базу, чтобы оттуда черпать средства для борьбы с Советской властью.

Колчак восстановил на Алтае дореволюционные порядки не только в земельных делах. Жесточайшим террором, массовыми расстрелами Колчак пытался сломить сопротивление трудящихся Сибири.

В. И. Ленин указывал, что когда сибирский крестьянин увидел, что «Колчак является представителем диктатуры самой

эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получили сведения от товарищей и которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири, — на этот раз сознательной». (Ленин, соч., т. XXIV, стр. 599).

Организаторами и руководителями восстаний в тылу колчаковских войск были подпольные большевистские организации, работавшие под руководством ЦК РКП(б).

В сентябре 1918 года вспыхнули восстания в районах Славгорода (Чернодольское восстание) и Змеиногорска. Они были подавлены колчаковцами. В это же время под руководством подпольной организации РКП(б) в Солоновке был создан партизанский отряд, командиром которого был избран Е. М. Мамонтов. Партизанский отряд Мамонтова быстро вырос во внушительную силу и объединился с другими отрядами, созданными подпольными организациями в с. Зимино, Чистюнька, в горном Алтае.

Партизанская армия в 1919 году держала под своим контролем большую часть Алтайской губернии. На освобождённой территории была восстановлена власть Советов и создан губернский Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Штаб партизанской армии Алтая через Урало-Сибирский партийный центр («Центросибирь») координировал свои действия с командованием Красной Армии. Партия через своих комиссаров, посланных в ряды партизан, сплачивала их в единую монолитную силу. Партизанские командиры — Щетинкин, Мамонтов, Громов, Жигалин, Ворожцов (известный по партийной кличке «Анатолий»), Архипов, Колядо и многие другие показали себя выдающимися военными руководителями. Партизанское движение выросло в грозную для колчаковцев силу. Для борьбы с партизанской армией Колчак вынужден был держать в тылу большие силы.

Партизаны Алтая помогали Красной Армии громить колчаковские банды. В начале декабря 1919 года все города Алтая были освобождены от колчаковцев. 10 декабря 1919 года был освобождён г. Барнаул. Партизаны соединились с регулярными частями Красной Армии на ст. Тальменка.

Победа над Колчаком и восстановление власти Советов в Сибири окончательно ликвидировали бывшее царское имение.

Богатый, привольный Алтай, в течение 170 лет являвшийся личной собственностью царя стал свободным советским краем.

СОДЕРЖАНИЕ

Алтай — имение русских царей	3
Положение крестьян в царском имении.	5
Положение мастеровых	13
Первые культурные учреждения на Алтае	19
Подготовка крестьянской реформы в царском имении	21
Царское имение после реформы	27
Промышленность Алтая после реформы	36
Землеустройство на Алтае	43
Царское имение в годы первой мировой войны	56
Ликвидация царского имения	58

Редактор Г. Раппопорт
Техредактор С. Каплан

АГ 03767

Подписано к печати 28. 8. 1950 г.

Объём 4 п. л.

Формат бумаги 60×92. Тираж 7 000 экз.
Заказ № 846. Цена 1 р. 40 к.

Тип. Алткрайиздата. Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

1 р. 40 коп